

309277

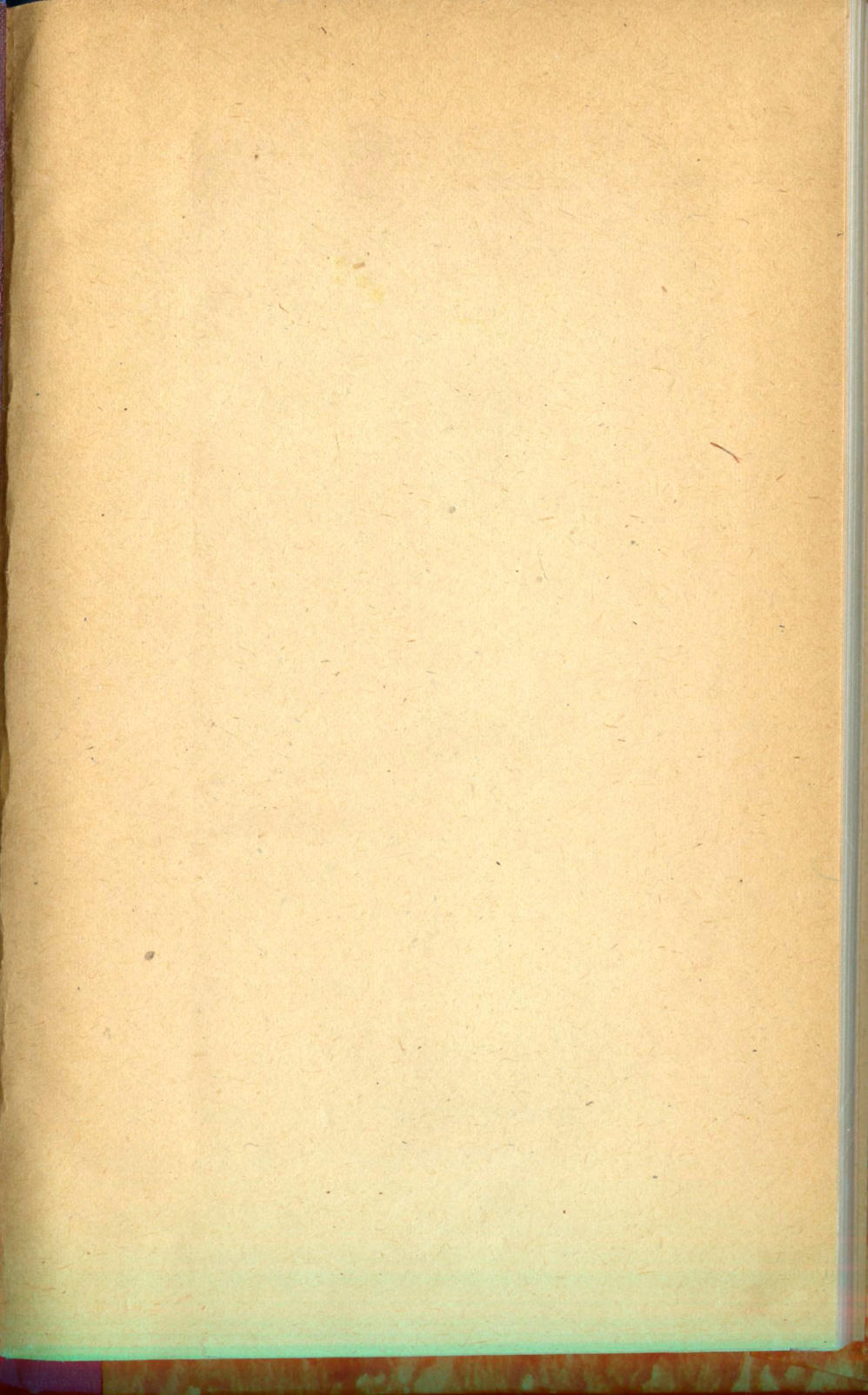
Писатели в
Отечественной войне

1946

V.N. KARBIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY



014147 1 0



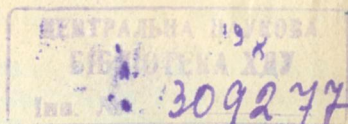
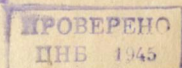
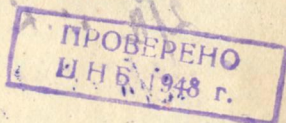
ПИСАТЕЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

1941-1945_{гг}

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Предисловие Д. Заславского

Составил П. Шамес



ГОСЛИТМУЗЕЙ
МОСКВА • 1946

59 64

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Главного редактора изданий Гослитмузея

ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА



Предисловие

Письма воинов Красной Армии к известным советским писателям — это скромный и непритязательный рассказ о внутреннем, духовном облике самой Красной Армии. Она поразила мир своим бесстрашием, своей самоотверженностью, своей воинской силой и своим мастерством. Это армия, показавшая свое неоспоримое превосходство над германской армией, которая до 1941 г. почиталась сильнейшей в мире и даже носила ореол «непобедимой». Красная Армия — самая культурная армия в мире. Один из источников ее силы — в ее высокой культуре. Красная Армия побеждала объединенные вооруженные силы европейской реакции, потому что свою военную мощь она соединяет с возвышенными задачами, с благороднейшими целями освобождения советской Родины и всего человечества. Красная Армия — это армия-освободительница.

Об этом свидетельствуют и письма из Красной Армии советским писателям. Только у высококультурной армии могла установиться такая тесная связь с литературой. Мы видим из писем, как жадно, с каким увлечением читали во время Отечественной войны наши бойцы, сержанты и офицеры книги и газеты, попадавшие на фронт. Они читали книги в перерывах между боями, читали в траншеях и землянках, читали в госпиталях и на марше.

Очень часто они читали совместно, коллективно, и после прочтения возникали оживленные беседы. Часть писем, приводимых в сборнике, была послана писателям именно после коллективного чтения, и свою благодарность читатели выражают коллективно, подразделениями, взводами, батареями. Читали бойцы на фронте, читали партизаны в тылу противника, и роман Алексея Николаевича Толстого «Петр I» был самым ценным трофеем, отбитым в бою с диверсантами ге-

стапо. Замечательна эта потребность у читателей на фронте поделиться с любимым писателем своими чувствами и мыслями. Эта потребность говорит не только об интересе к литературе, но и о любви к ней. Среди писем мы находим довольно тонкую оценку литературных произведений. Чтение художественной литературы создало в нашем народе критические навыки. Простые солдаты верно оценивают значение стихов, повестей, романов для воспитания патриотического чувства и для боевой подготовки. Далеко не всем корреспондентам из Красной Армии известно пожелание Маяковского, чтобы слово поэта было приравнено к штыку, но об этом бойцы говорят от себя. Их письма — это верное свидетельство того, что в советской стране художественная литература была взята на вооружение в Отечественной войне, и свою задачу художественная литература выполняла с честью.

Мы находим в письмах не одно упоминание о том, что стихи наших поэтов, статьи наших писателей вызывали слезы на суровых глазах воинов. Бойцы откровенно признаются, что плакали... Это ли не высшая награда нашей литературе! Читатели из Красной Армии были взволнованы и художественными произведениями наших писателей, и их публицистическими выступлениями в газетах.

Памятные статьи А. Н. Толстого, Тихонова, Гроссмана, Эренбурга читались и перечитывались, вырезывались из газет, передавались из рук в руки, обходили передовые линии фронта. Эти статьи разжигали ненависть. Они были школой ненависти в дополнение к непосредственным урокам жизни. Они говорили нашим защитникам о любимой Родине, были живой связью с родными местами.

Письма эти — замечательный памятник Отечественной войны и замечательный показатель высокого уровня советской культуры. В них облик нашей страны и нашего, советского человека.

Д. Заславский



Писатель и читатель в дни Великой Отечественной войны

С первых же дней Отечественной войны советский писатель занял свое место в великой всенародной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и плечом к плечу со своим народом отстаивал свободу и независимость своей Родины. Свое словесное оружие он направил против злейшего врага свободы и культуры.

С первых же дней войны со страниц «Правды», «Известий», «Красной Звезды», «Литературной газеты» зазвучало на всю страну боевое призывное слово А. Толстого, М. Шолохова, Н. Тихонова, А. Суркова, И. Эренбурга, Л. Соболева, В. Лебедева-Кумача, С. Маршака, Д. Бедного и многих других писателей нашей страны. Но не только со страниц центральной печати. Фронтная и армейская газета, дивизионная и полковая, листовка и плакат стали настоящим передним краем советской литературы Великой Отечественной войны.

Публицистическая статья и агитационное стихотворение, песня и лозунг, сатирический фельетон и политический памфлет, едкая эпиграмма и короткий очерк, а позже пьеса и поэма, повесть и роман — все литературные жанры были поставлены на службу войне. Вместе со всем народом по призыву своего великого вождя литература перестроилась на военный лад.

Через центральную и фронтовую печать, через книгу и листовку писатель обращался к бойцам и офицерам на фронте, к миллионам тружеников в тылу. Силой художественного слова он поддерживал боевой дух народа, звал к священной борьбе, укреплял волю к победе, будил несокрушимую веру народа в его мощь.

А. Толстой назвал литературу эпохи Великой Отечественной войны «голосом героической души народа»¹. И это было так. Правдиво рассказать о борьбе народа, полнее раскрыть красоту его морального духа, облегчить его тяжести и страдания — вот задачи, которые поставила перед собою советская литература в эти дни. И если ей не удалось еще подняться до тех высот художественного мастерства, которые были бы достойны нашего героического народа, то все же начало было заложено и притом на самом ходу, по горячим следам совершавшихся событий. Прав был А. Толстой, когда писал: «Пусть это только начало. Но это начало великого...»². Литература наших дней — подлинно народное и нужное всему народу высокое гуманитарное искусство. Она круто идет на подъем»³.

Лучшее, что было сделано за время войны нашими писателями, не просто видевшими, но и испытывавшими все на самих себе, было глубоко воспринято и достойно оценено нашим умным и чутким народом.

Бесследно прошли те печальные времена, когда читатель был «сам по себе, а литература — сама по себе», когда «литератор пописывает, а ...читатель почитывает»⁴. С болью в сердце взывал когда-то Салтыков-Щедрин: «Где ты, русский читатель? откликнись!» — и вынужден был с горечью себе ответить: «Нет тебя, любезный читатель! еще не народился ты на Руси!»⁵.

Щедрин знал, что «до тех пор, пока не установилось прямого общения между читателем и писателем, последний не может считать себя исполнившим свое призвание... До тех пор, пока не выяснится читатель, литература не приобретет решающего влияния на жизнь. А последнее условие именно и составляет главную задачу ее существования»⁶.

Мечты Щедрина осуществились. В нашей стране непосредственное и тесное общение между писателем и читателем установилось в самом тесном смысле слова. Война раскрыла это с особенной силой.

Такой близкой, такой сердечной взаимосвязи не знает ни одна эпоха, ни одна литература. В дни Отечественной войны советский писатель жил и творил в самой гуще читательской среды. Он создавал свои произведения почти что на глазах

✓ ¹ А. Толстой, О литературе и войне, «Литература и искусство», 1942, № 9.

² Там же.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XVI, М. 1937, стр. 271.

⁴ Там же, стр. 260

⁵ Там же, стр. 536.

читателя. Читатель делился с ним своими мыслями и жадно прислушивался к его голосу, беседовал с ним через газету, радио, письма. Он рассказывал ему о своих наблюдениях и переживаниях, докладывал как учителю и другу о своих боевых успехах, об успехах товарищей по оружию; он настойчиво приглашал его к себе, желая хоть чем-нибудь отблагодарить за волнующие минуты и часы общения с его художественными произведениями. Человек честный и скромный, читатель-фронтовик далек от того, чтобы льстить писателю. Ему хочется сказать лишь то, что он в действительности думает и чувствует. «Здесь, на фронте, люди меньше всего кривят душой, и если мы выражаем Вам свое спасибо, так это выражено от души, от всего сердца, высказано искренно, честно и правдиво», — писал политрук Перфильев А. Толстому¹. Такие признания можно встретить и в письмах к Эренбургу, Тихонову, Симонову и другим писателям.

Тесное общение с читателями повышало и укрепляло творческое напряжение писателя. Оно непрерывно обогащало его новыми темами, фактами, образами, помогало проникнуть в самую глубину души бойца и офицера, угадать нужные ритмы и слова.

Если стихи или статьи доходили до сердца читателей-фронтовиков, они переписывали их в свои записные книжки, вывешивали в блиндаже на видном месте, носили их на груди. Общеизвестно, что стихотворение К. Симонова «Жди меня» сотнями тысяч фронтовиков вырезывалось из газет, переписывалось и рассылалось во все уголки нашей страны. Оно вызвало целый поток ответных стихов как в личных письмах, так и в газетах на фронте и в тылу. Отрывки из статей А. Толстого, Эренбурга, Тихонова, Шолохова на всевозможные лады цитировались в красноармейских газетах авторами статей и заметок, в письмах к родным, друзьям и любимым. Наиболее яркие слова и строки использовались в качестве эпитафий, вплетались в повседневную разговорную речь, сопровождали бойца на отдыхе и в бою.

Сила воздействия некоторых произведений была настолько велика, что на фронте установился своеобразный обычай — зачитывать их наряду с приказами перед боем или опасными операциями. «Комиссар партизанской бригады, действовавшей в брянских лесах, отправляя группы на боевые операции, всегда после приказа зачитывал одну из статей писателя Эренбурга», — читаем мы в статье на «Переднем крае» в газете «Победа за нами» (25 марта 1943 г.); «...перед форсированием водного рубежа я рассказал бойцам о предстоящей задаче,

¹ См. письмо № 6 к А. Толстому.

зачел короткие выдержки из брошюры Эренбурга «Путь в Германию», напомнил им о приказе № 70 товарища Сталина — разгромить раненого фашистского зверя в его собственной берлоге», — свидетельствует агитатор сержант И. Попов в статье «Работа агитатора в наступлении» («В бой за родину» от 20 сентября 1944 г.). Гвардии капитан Панин просит Симонова прислать несколько строк, которые он прочтет своим разведчикам перед выходом на выполнение задания.

Советский читатель оценил слово писателя как труд бойца, труд почетный и благородный.

«Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом», — писали Толстому фронтовики, сравнивая остроту его слова с остротой штыка, огонь его статей с огнем автоматов и пушек¹. С различными, многообразными видами оружия сопоставляют слово Эренбурга: если бойцы и командиры-кубанцы приравнивают его к метко направленной пуле², то известный снайпер Гавриил Хандогин относит на личный счет писателя половину убитых им фашистов³.

Именно здесь, на переднем крае, в траншее, в землянке, где с особенной силой познается истинная ценность жизни, ее смысл и назначение, человек особенно чуток к слову писателя. Здесь, на фронте, более чем где-либо, проверяется его правдивость. Не трескучие слова, не выпренные фразы нужны человеку фронта; ему претит «напыщенность и сусальность»⁴. Ему нужна правда жизни. Удачно заметил фронтовик Родин в письме к Твардовскому по поводу главы «Переправа» из «Василия Теркина»: «рассказ о том, как переправа сорвалась, но он в десять раз оптимистичнее всех других, самых победных рассказов!..»⁵.

«Слова чистые, простые, понятные, легко укладывающиеся в «душу» смысл событий» — вот что, по мнению т. Козлова, ценит фронтовик. Прочитировав задушевные слова Татьяны из стихотворения Исаковского «Прощальная», он пишет: «Поверьте, что никакое другое слово не может так поднять в атаку на врага, как Ваши слова, т. Исаковский». «А что хорошо, — заключает он свое письмо к поэту, — признаем чистосердечно и глубоко уважаем!»⁶.

Человек фронта действительно знает, что хорошо. Он сразу угадает, что истинно и правдиво. Искренность и простота, жизненность и правдоподобность — вот его требования к художественному произведению. Бойцы полюбили «Василия

¹ См. письмо № 4 к А. Толстому.

² См. письмо № 9 к И. Эренбургу.

³ См. письмо № 25 к И. Эренбургу.

⁴ См. письмо № 3 к К. Симонову.

⁵ См. письмо № 8 к А. Твардовскому.

⁶ См. письмо № 5 к М. Исаковскому.

Теркина» прежде всего за то, что Твардовский обнаружил прекрасное знание боевого быта, тонкое понимание солдатского сердца. Недаром уже первые главы поэмы возбудили у фронтовиков интригующий вопрос: «существует ли в действительности Теркин?»¹. Верность изображения в этой поэме, по словам красноармейца Логинова, «заставляет невольно подумать, а нет ли и в самом деле среди нас Теркиных? И они действительно находятся... в каждой части, в каждом подразделении»². Правдивость этого образа, свидетельствует ефрейтор Зуев, «делает его похожим на многих, и многих заставляет быть похожими на него»³. Не случайно Белинский назвал типический образ «знакомым незнакомцем»⁴.

Поэма Твардовского лишний раз иллюстрирует мысль великого критика.

Яркое художественное произведение часто может заметить письмо с фронта, причем иногда это происходит в широких, массовых масштабах. Мы имеем в виду «Жди меня» К. Симонова, это своеобразное стихотворное письмо фронтовиков.

Но если произведение может быть воспринято как письмо с фронта, то и, наоборот, оно часто может быть оценено как письмо писателя к бойцам или работникам тыла. Достаточно прочесть письмо политрука Брехова к Н. Тихонову. Статьи и очерки о Ленинграде т. Брехов именует не иначе, как «письма», которые он предлагал своим бойцам взамен ожидаемых действительных писем и которые воспринимались ими как «добрые вести» из родного города⁵. Ленинградка Абрамова писала Тихонову о его книге «Ленинградский год»: «Это была не книга, а письмо от близкого человека»⁶.

Если писатель — друг, близкий, родной человек, значит можно откровенно поделиться с ним обо всем, что волнует, беспокоит, радует. Старший сержант Гуцель пишет Эренбургу потому, что у него нет теперь близких: семью его захватили немцы⁷. Человеку некому писать, но в нем живет острая потребность высказаться. Кто еще может его понять так, как писатель, — человек чуткий, отзывчивый. Но если у читателя сложилось такое представление о писателе, значит писатель сумел заслужить его любовь и доверие.

¹ См. письмо № 1 к А. Твардовскому.

² См. письмо № 9 к А. Твардовскому.

³ Письмо Мих. Зуева от 30 августа 1944 г. к А. Твардовскому.

⁴ В. Г. Белинский, Избранные сочинения в трех томах, т. I, 1934, стр. 108.

⁵ См. письмо № 1 к Н. Тихонову.

⁶ См. письмо № 6 к Н. Тихонову.

⁷ См. письмо № 8 к И. Эренбургу.

В связи с этим хотелось бы, говоря о лучших произведениях эпохи Отечественной войны, выделить одну, общую для них черту: острую лирическую взволнованность — следствие органической ненависти к фашизму, глубокой уверенности в правоте великого дела советского народа, призванного спасти человечество и его культуру.

Будет ли то публицистическая статья А. Толстого, Эренбурга или Тихонова, своеобразный очерк Горбатова («Письма товарищу»), повесть Гроссмана «Народ бессмертен» или пьеса Симонова «Русские люди» — везде правдивый жизненный факт, художественный образ, исторический экскурс в прошлое, авторское рассуждение и философское обобщение проникнуты глубоким взволнованным чувством, искренним, напряженным и действенным.

«Мне стыдно признаться, но я плакал, читая Ваш очерк. Какие у нас замечательные люди!.. Одни хорошо дерутся, другие хорошо любят, третьи хорошо пишут. А все это объединяется в нескольких словах — хорош советский народ, народ-богатырь, народ — человеколюбец, народ — художник. С таким народом можно, как выразился Маркс о коммунарах, «штурмовать небеса», — так писал А. Толстому сержант Николай Алмазов, человек, закаленный в боях, тысячу раз смотревший смерти в глаза, собственными руками убивавший немцев в рукопашных схватках¹. Восхищаясь красотой русского человека, сержант Алмазов, конечно, и не подозревал, что к замечательным людям, о которых он пишет, относится и он сам, один из прекрасных русских людей.

«Звонкими живыми летописями»² назвал Гоголь народные песни. Своеобразными живыми летописями можно было бы назвать тысячи читательских писем к писателям, так просто и искренно раскрывающих богатую многогранную душу советского человека, еще более возмужавшего в годы войны, нашедшего в себе достаточно мужества и силы, чтобы преодолеть сильнейшего врага и «дни бед народных» превратить в дни торжеств, в дни чести и славы.

Чувство родной земли, чувство патриотизма всегда было сильно в советском человеке. Но в дни войны оно особенно обострилось. Если до войны офицер Алешин думал, что слово «родина» это просто та местность, где он родился, то сейчас, сидя в лесу под деревом и обдумывая письмо к писателю, он понял, что это слово вмещает в себя нечто несравненно более

¹ См. письмо № 11 к А. Толстому.

² Письма Н. В. Гоголя, редакция В. И. Шенрока, в четырех томах, т. I, стр. 263.

широкое и сложное: «Лес, хутор, река, болото, небо, солнце, птицы; любимая девушка, старики, дети, народ — все это моя родина, все мне стало родным; даже воздух — это мой воздух, хочется его весь забрать, чтобы подлым фрицам не досталось»¹.

Тяжелые испытания войны, общность борьбы еще теснее сблизили людей различной национальности, и чувство единой семьи, спаянной сталинской дружбой народов, еще более окрепло и закалилось.

«Здесь русские, украинцы, еврей, узбек. Национальностей у нас много... Мы очень дружно живем», — пишет узбек Мирза-Мурад Алимов из-под Ленинграда, понимая, что от судьбы Ленинграда зависит и судьба его родного Ташкента².

Через поля сражений, через города и села Европы наша Красная Армия под водительством великого Сталина пронесла свои победоносные знамена. В боях с захватчиками она отстояла не только свободу и независимость своей отчизны, но и мировую цивилизацию.

Не было и нет целей более благородных, чем цели Красной Армии в этой великой освободительной войне. Не было и нет армии, более культурной, чем наша Красная Армия.

Приведенные в этом сборнике письма — яркое доказательство этого. Страстная, невиданная тяга к книге, к художественному слову в годы войны овладела людьми фронта и тыла. Миллионы людей ежеминутно смотрели смерти в глаза, но в них жила неистребимая вера в жизнь, жажда знать и творить; их тревожили десятки и сотни вопросов, с которыми они обращались к своим писателям. Как заветные реликвии берегли партизаны однотомник Пушкина и отбитый у гестаповских диверсантов роман Алексея Толстого «Петр I». Они жадно вчитывались в перерывах между боями в каждую страницу. Эти книги напоминали им об их долге перед родиной.

В кармане гимнастерки упавшего с простреленным сердцем бойца хранилась газетная вырезка со стихами поэта о родине. Одного этого факта, описанного в письме к А. Суркову³, достаточно, чтобы составить себе представление о величии души нашего народа, о благородстве его подвига в победоносно законченной войне.

II. Шамес

¹ См. письмо № 7 к И. Эренбургу.

² См. письмо № 11 к И. Эренбургу.

³ См. письмо № 3 к А. Суркову.

* * *

Настоящий сборник писем читателей к писателям является первым выпуском из намеченной Государственным литературным музеем серии изданий, в которых будут опубликованы различные материалы о роли советской литературы в дни Великой Отечественной войны.

Из огромного количества писем, полученных писателями за эти годы, в настоящем выпуске отобраны преимущественно те, которые в той или иной мере связаны с творчеством писателей и являются непосредственным откликом на их произведения. «Открытые» письма взяты из фронтовых газет. В отдельных случаях, во избежание повторений, письма даны не целиком, а в извлечениях, в ряде случаев с сокращениями и редакционной правкой. К сожалению, некоторые письма не датированы и датировка их установлена редакцией приблизительно.

Из многочисленных подписей, которыми обычно покрывались письма, в целях сокращения в каждом письме оставлены две-три первых фамилии. Все публикуемые письма (за исключением писем к М. Шолохову) были получены от самих писателей и хранятся в их личных архивах, кроме писем к Б. Горбатову и А. Суркову, которые были переданы Государственному литературному музею. Материалы о М. Шолохове (письма и отзывы об его книгах) были предоставлены Воениздатом.



Письма

к

А. ТОЛСТОМУ

I

6 ноября 1941 г.

Это письмо, товарищ Толстой, пишется Вам накануне дня Октябрьской годовщины, встречаемой в нынешнем году нашим народом в условиях ожесточенной войны с фашизмом, исход которой будет предрешать всю последующую историю человечества на столетия.

События исключительно велики, чтобы кто-либо мог остаться не затронутым ими.

Героическая, беспримерная борьба нашего народа с вооруженным до зубов противником, исчисляющаяся третьей полу-сотней дней, говорит сама за себя.

Не одолеть нас врагу. Фашизм захлебнется в своей же крови. Мы победим.

Сколько незабываемых примеров отваги, мужества, бес-предельной любви к отчизне известны нам от тысяч и тысяч бойцов и командиров Красной Армии, советских патриотов — тружеников тыла.

Все это рождает у каждого из нас чувство гордости, стремление сделать для родины еще больше: больше уничтожить фашистов, больше выпускать вооружения, всяких изделий и продуктов, необходимых для победы. Перед фронтом советской идеологии сейчас также стоят задачи немаловажные...

Нам известно, товарищ Толстой, что Вы, как и Ваши друзья по ремеслу, — наши писатели, — немало сейчас работаете, прекрасно, хорошо работаете. Но стремление сделать для нашей страны еще больше, вероятно, волнует и Вас.

И, пожалуй, как художника, выразителя дум народа, ещё в большей мере.

Вот почему думается, что получить сейчас от советской художественной литературы исключительной силы вещь — общее желание.

✕ Недавно мне пришлось лежать в госпитале... Как-то в один из вечеров мы организовали в палате коллективную читку отдельных Ваших произведений. Читали «Петр I», некоторые рассказы, в частности «Гадюка». Надо было видеть, какое действие имело Ваше слово. Красивые глаза лейтенанта Михайлова, моего соседа по койке, загорелись боевым блеском, тем смертельным блеском, от которого в штыковом бою слабели у противника руки.

Майор Бонкузов, совершивший стокилометровый рейд по тылам противника, во время чтения был особенно возбужден. Он быстро шагал по палате, много курил.

Эх, товарищи! — обращаясь к нам, сказал Бонкузов, когда кончили читать, — сейчас бы написать нашим литераторам.

Когда несколько дней спустя после этого я прочитал черновой набросок письма к Вам, вся палата одобрила мою инициативу. «Пиши, Стёпа, обязательно пиши», — подзывая к себе и усадив меня на край своей койки, тихо, почти шопотом, сказал политрук Федоров. К этому товарищу все мы питали особое чувство уважения. Тяжелое ранение, полученное Федоровым в бою, причиняло ему много страданий, но никто из нас не слышал от него ни единого стога...

Теперь мы вновь в своих частях и подразделениях...

Это письмо, дорогой товарищ Толстой, примите от нас как желание выразить Вам наши думы, чувства, стремления.

До свидания. Желаем Вам творческих успехов. Будьте здоровы.

Работайте и преуспевайте для родины.

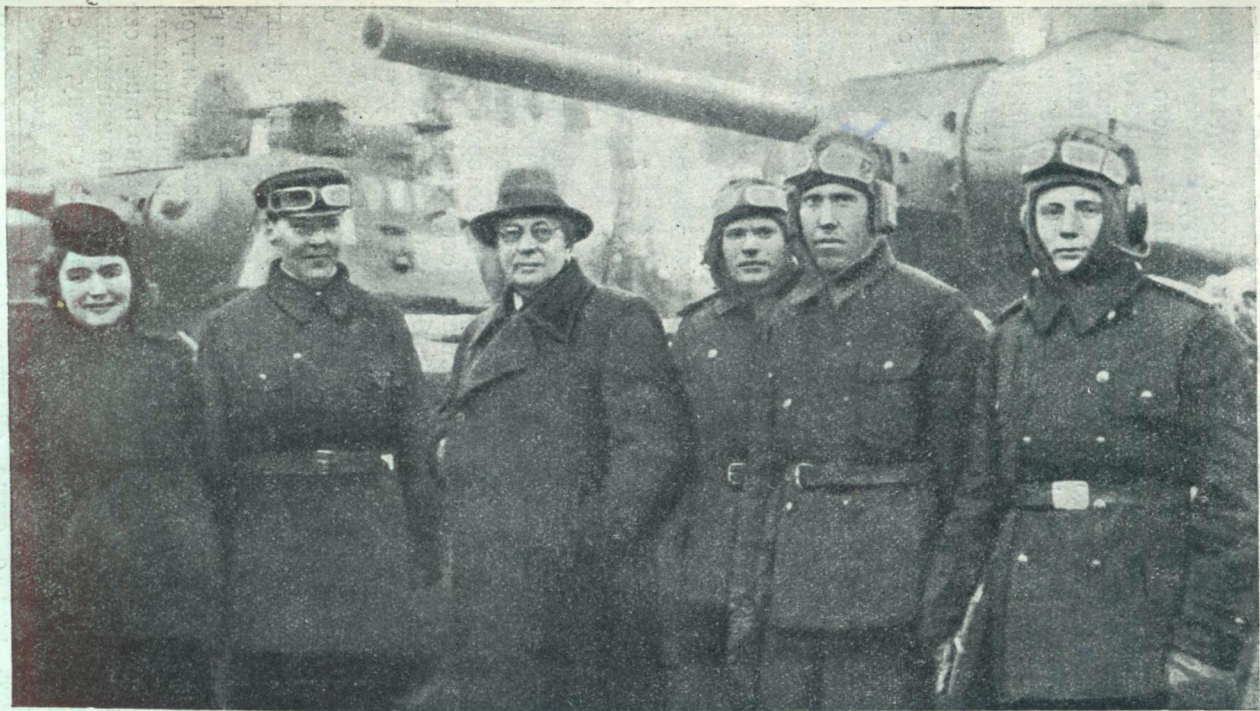
По поручению коллектива
старшина Вашилин.

2
20 ноября 1941 г.

Дорогой товарищ Толстой!

...Пишет Вам уже очень пожилой человек из далекой солнечной Киргизии, где он работает профессором в Медицинском институте.

✕ Прочел я недавно Вашу статью в «Правде» о нашей вели-



А. Н. Толстой, его жена Л. И. Толстая и экипаж танка «Грозный». (Танк приобретен А. Н. Толстым за сталинскую премию во время работы над драматической повестью «Иван Грозный»).

кой, любимой родине¹ и захотелось мне увидеть Вас и пожать Вашу руку...

Мне стало легче, как человеку, к которому подошел кто-то близкий и приласкал его в тяжелую минуту.

Каждый из нас вложил с первых дней Великого Октября всего себя в социалистическое строительство нашего Союза. Ведь это же наше собственное, родное, беспредельно любимое отечество. Ведь каждое поле, каждый завод, станция, трактор, метро — все это наше любимое, взлелеянное и такое близкое. Как же тяжело видеть все это поруганным ненавистным врагом, как же после всего этого не ненавидеть врага всем своим сознанием.

Всколыхнули Вы все человеческое в моей душе своей статьей, и за это захотелось мне Вам, нашему родному, советскому писателю, сказать товарищеское спасибо.

Крепко жму Вашу хорошую руку.

Ваш читатель А. Л. Бродский.

3

7 февраля 1942 г.

Дорогой Алексей Николаевич!

Бойцы, командиры, комиссары и политработники нашей дивизии приветствуют Вас как замечательного русского писателя и как нашего мужественного боевого соратника.

Подлинно народный характер войны, которую мы ведем против фашистской сволочи, является основой несокрушимой силы, нашей стойкости, наших побед и близкого окончательного разгрома врага. Рабочий у станка, колхозник у трактора, красноармеец на поле брани, ученые, писатели, художники, музыканты — все в нашей стране живут одной мыслью, объединены одной волей — грудью отстоять нашу замечательную родину, нанести смертельный удар взбесившемуся фашистскому чудовищу.

В этой исторической борьбе двух миров — свободы и рабства, человечности и бесчеловечной жестокости, культуры и варварства — прекрасна, незабываема роль наших писателей, зовущих к борьбе, участвующих непосредственно в ней своим могучим оружием — статьями, памфлетами, произведениями, полными силы и веры в свой народ, в свою страну, в свою партию, в своего вождя.

¹ Речь идет о статье «Родина» («Правда» 7 ноября 1941 г.). См. А. Толстой, Родина, М. 1942.

Среди писателей, которых знает и любит Красная Армия, выступающих сейчас мужественными бойцами за свободу нашей родины, впереди других — Вы, Алексей Николаевич.

Мы знали Вас раньше как прославленного писателя нашей страны, как блестящего стилиста, как замечательного мастера исторического романа, с чудесной силой воскрешающего живые страницы истории. Теперь мы знаем еще Алексея Толстого — выдающегося патриота, агитатора-публициста, бьющегося с врагом зажигательными статьями, полными великого гнева, нашего доблестного соратника в Великой Отечественной войне.

Ваши разящие статьи — «Кровь народа»¹, «Я призываю к ненависти»², «Почему Гитлер должен потерять поражение»³ — приняты на вооружение в частях Красной Армии. Они поднимают боевой дух бойцов и командиров, зажигают гневом и ненавистью наши сердца, помогают нашей закалке для решительных боев с немецкими оккупантами.

Мы высоко ценим и любим Вас за ваши боевые призывы. Наша дивизия создана из рабочих добровольческих батальонов города Москвы в дни, когда десятки гитлеровских дивизий бешено рвались к сердцу родины и когда Вы написали статью «Кровь народа».

Наши части сформированы из подлинных патриотов, лучших людей Москвы, выступивших на защиту любимого города. Среди нас люди различных профессий, возрастов и образовательного ценза: лучшие стахановцы московских заводов и известные профессора, инженеры и слесари, студенты и бухгалтера, металлисты и текстильщики, железнодорожники и педагоги.

В наши ряды пришли: профессор экономических наук т. Войтинский, профессор истории т. Сидоров, доцент кафедры философии т. Жидкова, писатель-драматург т. Петров-Соколовский, депутат Верховного Совета РСФСР т. Енах, знатные железнодорожники тт. Гудеслат и Петров, мастера-проходчики метро тт. Садовский, Монеткин и Володин, кандидат исторических наук т. Бычков, стахановцы заводов им. Сталина, «Фрезер», «Станколит», студенты Театрального и Автодорожного институтов.

Патриоты вступали к нам целыми семьями. Так, в дивизии есть семья бурята т. Болдано: отец, мать и сын; сандружинница Гладкова пришла с дочерью Октябриной; с комиссаром полка т. Монжеле пришли его жена и сын и т. д.

¹ «Красная Звезда» 19 октября 1941 г. См. А. Толстой, Родина, М. 1942, стр. 40—46.

² «Правда» 28 июля 1941 г. См. А. Толстой, Родина, М. 1942, стр. 78—79.

³ «Правда» 30 июля 1941 г.

Наша дивизия стала мощной, хорошо обученной и оснащенной самым современным оружием боевой единицей. Московский Комитет партии оказывал нам огромную помощь, секретарь МК ВКП(б) т. А. С. Щербаков многократно беседовал с командованием дивизии о наших задачах.

Враг был под Москвой опрокинут, отброшен. Осуществилось Ваше уверенное и гневное: «Москвы вам не взять». Дивизия, созданная для защиты Москвы, будет драться за каждую пядь советской земли, пока земля наша не будет целиком очищена от фашистской нечисти. Мы поставили себе задачу — стать гвардейской дивизией и выполним ее.

Скоро придет день великой победы, когда рухнет кровавый фашизм и весь мир вздохнет свободно. Мы вернемся к мирному творческому труду, построим вместо разрушенных новые прекрасные города и села и создадим жизнь еще более счастливую и чудесную, достойную свободного человека.

✗ Будем же еще мужественнее наносить удары врагу — каждый своим оружием. Будем еще более страстно биться за окончательную победу, чтобы скорее пришел день, о котором мечтает все человечество. По окончании войны будем подводить итоги — кто как помогал своему отечеству в дни тяжелых испытаний.

Родина, Красная Армия не забудут Вашей роли в эти дни, дорогой Алексей Николаевич. ✗

Мы ждем от Вас еще и еще статей — таких же зовущих, поднимающих.

(Подписи)

Западный фронт

4

6 марта 1942 г.

Дорогой Алексей Николаевич!

✗ Недавно в «Правде» мы прочли Вашу статью: «За советскую Родину»¹. Из рук в руки переходила большевистская «Правда» с грозной, уничтожающей статьей о неминуемой гибели фашизма, с беспредельной верой в непобедимую силу «Неизвестной Величины», с глубокой правдой об окончательном торжестве свободы... К полночи газета обошла все землянки батальона, и можно было наблюдать, как долго еще не засыпали бойцы и командиры, делясь своими впечатлениями, восторгаясь Вашими вдохновенными словами, еще сильнее горя ненавистью к злодеям-фашистам. ✗

¹ «Правда» 23 февраля 1942 г. См. А. Толстой, Родина, М. 1942. стр. 53—58.

✕ В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом, и мы чувствуем, как будто Вы находитесь с нами совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У Вас иное оружие. Но оно так же остро, как наши штыки, как клинки наших красных конников; его огонь такой же убедительный, как огонь наших автоматов и пушек. Мы вместе громим обнаглевших фашистов. ✕ Ваши вдохновенные слова бодрят наши силы, еще выше поднимают наш высокий моральный дух, ту самую «Неизвестную Величину», которая разбивает вражеские полки, опрокидывает дивизии, окружает и уничтожает армии; они еще больше разжигают ненависть к злодеям, вдохновляют на героические, поистине бессмертные подвиги. ✕ Так разите же, Алексей Николаевич, и дальше фашистскую гадину, а мы здесь будем громить ее так же метко и сокрушительно. Выворачивайте наизнанку и всему миру показывайте ее прогнившее нутро, огненным словом вытравляйте заразу коричневой чумы, а мы будем также беспощадно топтать ее, давить, уничтожать. ✕ Вам, Алексей Николаевич, принадлежит честь разоблачать, обвинять, разить врагов, рассказать народу и поколениям о великой борьбе и победе... Создайте неблекнущее полотно о героизме советского народа, его мужестве и отваге, о его любви к родине, не имеющей примера в истории всех времен и народов.

Бойцы, командиры и политработники Отдельного батальона связи от всей души благодарят Вас за ваш благородный труд.

Колодяжный,
Артюх и др.

5

16 августа 1942 г.

Дорогая редакция!

В номере Вашей газеты «Красная Звезда» за 14 августа с. г. № 190(524) я прочел рассказ Алексея Толстого «Рассказы Сударева». В этом рассказе наш замечательный писатель, рассказы и статьи которого мы с большим наслаждением читаем, пишет о партизане Василии Васильевиче Козубском — директоре Ельнинской школы.

Василий Васильевич — старый учитель, воспитатель. Он раньше был директором Коробецкой школы Ельнинского района, той школы, где я получил образование, а после окончания этой школы работал там же старшим пионервожатым и библиотекарем.

Уже больше года я не получаю от близких товарищей и

родных писем. Я с большой радостью прочел сам рассказ А. Толстого, прочел его и своим бойцам.

Я прошу Вас написать мне, где сейчас Василий Васильевич, прошу Вас прислать его адрес.

Я защищаю город Великого Ленина. Я — заместитель политрука роты...

П. Панов.

6

19 августа 1942 г.

Дорогой Алексей Николаевич!

Прочитали Вашу статью «Самоотверженность»¹, и от этого всем нам, бойцам, стало как-то тепло и радостно на душе. Хочется отблагодарить Вас за хорошие вести с глубокого тыла. Бойцы мои обязали меня написать Вам эти строки. Я — политрук роты. Мы находимся в непосредственной близости с немцами. Днем слышно и видно фрицев... Немцы давно воюют, а для нас, русских, война только началась. За год войны мы кое-чему научились и привыкли к опасностям...

Война только началась, русский человек только на одну пуговицу растегнул свой ворот, и горе будет врагам, когда полностью, по-русски, распадется рабоче-крестьянская грудь. Они вывели нас из терпения...

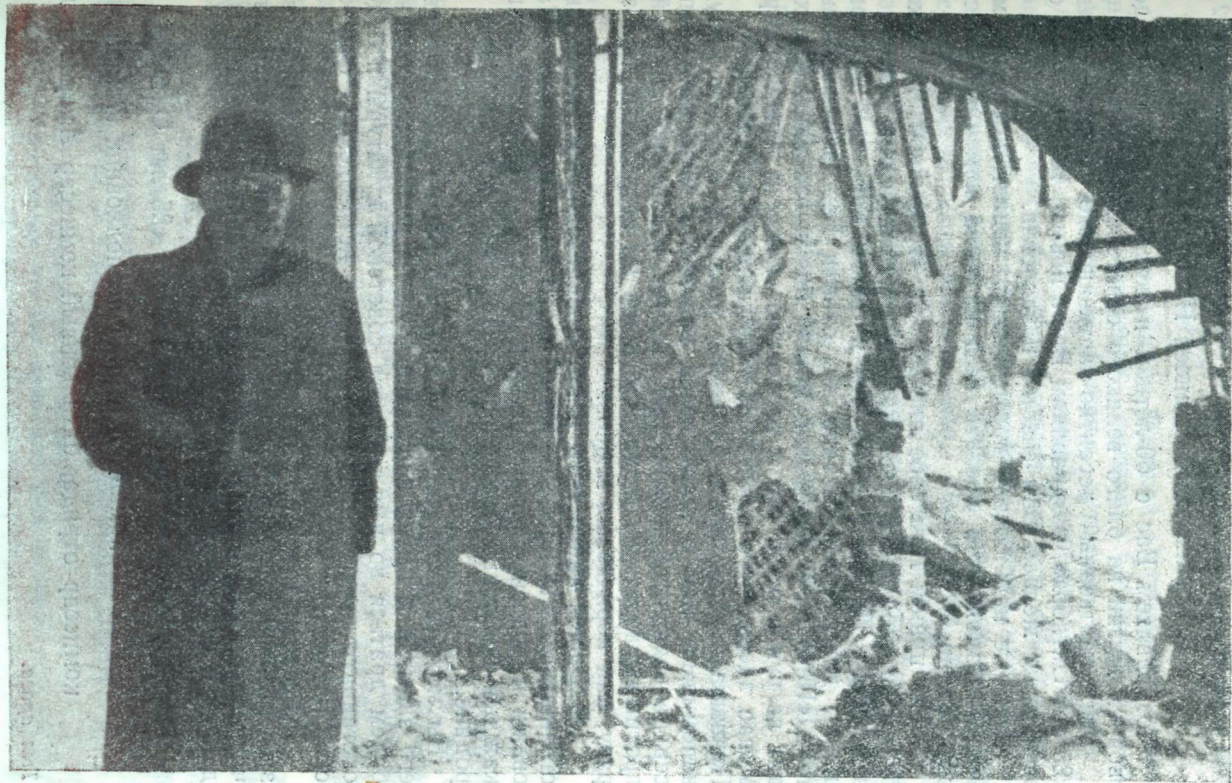
Мы русские — мы все стерпим — и холод, и голод, но мы не любим неволю и за свободу зубами перегрызем насильникам горло... Передаю Вам, Алексей Николаевич, от всех своих бойцов боевое спасибо. С какой истинной глубокой радостью мы читаем и перечитываем вашу «Родину» и никогда, конечно, не забудем Вашу статью «Кровь народа». Сейчас под разрывы мин, в траншеях мы начали читать «Рассказы Ивана Сударева»². Здесь на фронте люди меньше всего кривят душой, и если мы выражаем Вам свое спасибо, так это выражено от души, от всего сердца, высказано искренно, честно и правдиво.

Ваши статьи рождают в нас столько сил, что это, пожалуй, я не смогу передать. Скажем только одно: мы любим вас, Алексей Николаевич, за ваши труды. Желаем Вам хорошего здоровья и счастья.

Политрук Гр. Перфильев.

¹ «Правда» 16 августа 1942 г. См. Алексей Толстой, Статьи (1942—1943), М. 1944, стр. 8—13.

² «Красная Звезда» 14, 16, 22, 28 августа, 1942 г.



*А. Н. Толстой в рабочем кабинете своего дома, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками
(г. Пушкин, 9 мая 1944 г.).*

14 декабря 1942 г.

Уважаемый Алексей Николаевич!

Поздравляем Вас с 60-летием и желаем долгой, плодотворной жизни на благо великого советского народа.

Мы, партизаны десантно-партизанского отряда имени «25 лет Октября», поздравляем Вас с новым, 1943 годом и от всей души желаем Вам счастья и здоровья.

Примите наш боевой партизанский привет, который мы имеем возможность послать Вам из тыла немецко-фашистской армии.

...Мы пишем Вам свое письмо на трофейной немецкой бумаге и трофейным карандашом в густом еловом лесу, в землянках. Пишем потому, что в одном бою, при разгроме школы диверсантов гестапо, мы отбили Ваш замечательный труд «Петр I». В перерывах между боями эта книга переходит из рук в руки. Мы с гордостью читаем о гении Петра. У нас здесь всего две книги — избранные сочинения А. С. Пушкина и ваша книга. Страницы этих книг каждую минуту напоминают нам о долге перед родиной и наполняют наши сердца священной ненавистью против грабителей и убийц, против гитлеровских людоедов, и мы их истребляем, как сразу, как коричневых клопов.

...В Вашей книге хоть и нет предисловия и некоторых страниц, но мы их восполняем своей боевой жизнью. Нам свежи и дороги образы из книги «Хлеб». Читая эту книгу, каждый советский человек загорается великой любовью к родине...

Вы можете быть уверены в том, что мы не посрамим своего знамени и имени партизана. Мы до последнего дыхания будем драться во имя расцвета советской культуры и будем отстаивать свою свободу до полного истребления фашистской погани...

Живите и творите, Алексей Николаевич, создавайте свои замечательные труды. Мы ждем от Вас книги, которая запечатлела бы современную отечественную войну... Желаем Вам долгих и счастливых лет...

По поручению митинга отряда имени «25 лет Октября»

командир отряда подполковник *Лещинский*,

комиссар отряда, батальонный комиссар *Амиров* и др.

Тыл врага.

Ноябрь 1943 г.

Привет с фронта!

Товарищ! 26-ю годовщину Великой Октябрьской революции я, командир отделения, сержант Столяров Николай Максимович, житель г. Москвы, встречаю на одном из участков фронта, защищая великий непобедимый город Ленинград. Прочитав брошюру Алексея Толстого «Мать и дочь»¹, в которой описывается, как немецкие изверги мучили невинную советскую девушку и ее мать, я, как воин и защитник своей родины, имея жену и сына, выдвинулся на передний край обороны холопов Гитлера—белофиннов и убил двух мерзавцев. Такие брошюры для нас, солдат Красной Армии, очень ценны. Они призывают к скорейшем разгрому гитлеровской армии.

До свидания. Мшу за слезы мирных советских граждан Ленинграда.

Выпускайте больше таких брошюр.

Сержант Столяров.

5 января 1944 г.

Алексей Николаевич!

Только сейчас закончила чтение Вашей книги «Хождение по мукам». Я давно когда-то читала первую часть, потом вторую, а сейчас снова все перечла. Спасибо Вам, большое, искреннее, душевное спасибо за ту радость, за тот душевный подъем, который Вы пробудили Вашей хорошей книгой. Я полюбила Ваших героев, я сжилась с ними, я их ясно себе представляю...

У меня страшное горе. Я потеряла горячо любимого мужа на этой войне. Смерть его заслонила предо мною всю жизнь. Вот так, как для Агриппины, потерявшей своего Ивана.

И вот уже второй год, как случилось это. Но я продолжаю жить. Я даже смеюсь на людях. В последнее время снова как-то научилась... Но ведь это неправда! Мне никогда не бывает весело. У Петрарки есть прекрасный сонет:

И если иногда смеюсь я, иль пою,
То потому, что мне лишь этот путь остался,
Чтоб горькую слезу не показать свою...

¹ Алексей Толстой, Мать и дочь, Воениздат НКО, М. 1943.

Вот так и я.

Я безумно позавидовала Кате Рошиной, когда к ней возвратился тот, кого она уже не ждала. Но, увы... Я уже знаю наверное, что мой муж не вернется. Его похоронили товарищи.

Алексей Николаевич! Зачем я Вам пишу все это. Мне некому сказать про свое горе, хотя у меня есть родная сестра, зять... Они будут жалеть, жалеют, но мне не это нужно. Я бы хотела кричать на весь мир о своей ненависти к врагу, отнявшему самое дорогое и близкое, но я не кричу, я тихо переносу свое горе. Я лишь вкладываю эту ненависть к врагу в свою работу, ведя уроки в школе. Я учительница. Преподаю русский язык и литературу.

И вот я прочла Вашу книгу. Сердце сочилось кровью, когда я читала о погибших, павших в бою за родину. И сейчас тот же враг. И опять — павшие. Но тут же растерзанная, истекающая кровью родина вставала из праха, из пепла и крепла силой и мощью. И это сопоставление, эта торжествующая правда наполняет душу восторгом, верою в себя, в человека, в грядущее счастье. И вот за эту-то вновь обретенную веру в себя, которую как-то неосчитимо Вы влили в меня, я и говорю Вам спасибо.

Мне тяжело. Но словно какие-то горизонты вдруг увидела я. Кругом происходит грандиозное. И вот этот взгляд назад, сразу на целую эпоху, как-то помог мне поднять выше голову, взглянуть светлее на мир, а главное — поверить в себя...

Уважающая Вас А. Барановская.

г. Москва.

10

14 мая 1944 г.

Уважаемый товарищ Толстой!

Мне хочется Вам рассказать, как у нас в подразделении был встречен Ваш рассказ «Русский характер», опубликованный в «Красной Звезде» за 7 мая.

Газета вокруг себя собирала кружки слушателей в каждой землянке, в каждом расчете. Все, конечно, не успели прочитать или прослушать Вашего рассказа, так как единственный номер газеты надо было отправить в другую отдаленную точку, занимаемую подразделением. Тогда рассказ стал распространяться в устной форме в виде пересказа. А сегодня мне удалось добыть в штабе вырезку из газеты с рассказом. И вот установилась очередь для чтения и пересчитывания. Я не буду приводить реплик и самых лестных отзывов, чтобы

передать Вам, как близок сердцам фронтовиков образ Егора Дремова... Но могу сказать, что Егора Дремова будут вспоминать в тяжелые минуты боев, как пример, достойный подражания. Порукой этому минувшие дела подразделения и ордена, украшающие грудь многих наших бойцов и командиров...

Красноармеец *Казанцев.*

11

16 мая 1944 г.

Дорогой товарищ Толстой!

Сейчас я прочитал в «Правде» Ваш очерк «Русский характер»¹. Я, как говорят, стреленая птица: защищая Кавказ, я своими руками убивал в рукопашных схватках немцев, тысячу раз смотрел смерти в глаза и, казалось бы, слезы у меня колом не вышибешь. Но это именно, «казалось бы»... То, что нельзя бы сделать колом, Вы сделали пером. Мне стыдно признаться, но я плакал, читая Ваш очерк. Какие у нас замечательные люди!.. Одни хорошо дерутся, другие хорошо любят, третьи хорошо пишут. А все это объединяется в нескольких словах — хорош советский народ, народ-богатырь, народ-человеколюбец, народ-художник. С таким народом можно, как выразился Маркс о коммунарах, «штурмовать небеса».

Если сможете, то передайте Дремову от меня и от моих товарищей по оружию горячий, горячий привет и миллион лучших пожеланий.

Дорогой и любимый мой писатель! Больше пишите о нашем славном народе, о его легендарных подвигах в тылу и на фронте. Помните: герои рождают героев.

Сержант *Николай Алмазов.*

12

16 мая 1944 г.

Алексей Николаевич!

Все мы здесь на войне собрались из разных мест, люди разных профессий и национальностей. Всяк по-своему использует свободное время. Вот мы, например: я по национальности русский, сам из Алтая, а мой друг — из гор. Черновицы, по национальности еврей. Возраст — 1912—1919 годов рождения. Имеем, как он, так и я, некоторые неприятности,

¹ «Правда» 10 мая 1944 г.

связанные с семьями. Он не может добиться толку о судьбе своих родных, которые оставались в гор. Черновицы, хотя писал и пишет в разные концы и разные органы (военному командованию, в паспортный стол, бюро справок по эвакуации и т. п.), а у меня жена нарушила клятву, как говорят, ждала, ждала и... Как он, так и я, мы ведем переписку. Ему пишут из Тагила, а мне из Алтая. Правда, письма ходят очень долго. Вот мы с ним встречаемся, беседуем, читаем и разбираем газеты. В воскресном номере от 7 мая 1944 г. газеты «Красная Звезда» мы прочли Ваш рассказ «Русский характер».

Мы не могли без волнения читать этот рассказ, столь простой и доходчивый до солдатской души. Читая Ваш рассказ, мы говорили друг другу: как он хорошо знает нашу жизнь и как он волнует солдатские сердца.

Мы чувствуем Вас, дорогой Алексей Николаевич, здесь с нами в окопах, траншеях. Вы вдохновляете нас на ратные подвиги. Я же этот рассказ вырезал и послал в свой далекий Алтай.

От всей солдатской души желаем Вам здоровья, Алексей Николаевич. Мы пишем это письмо в окопе, а поэтому не осудите нас за недоработку.

С фронтовым приветом к Вам

сержант Фурсов Д. И.,

старший сержант Винник Э. А.

13

11 июня 1944 г.

Здравствуйте, нами уважаемый,

дорогой Алексей Николаевич!

Мы получили Вашу книжку «Русский характер». Сначала я прочитал ее сам про себя, а потом собрались в землянке и стали читать ее для всего отделения. Красноармеец Попов не читает, а как будто рассказывает: «Тыфу, бестолковый!.. любовь это — когда в тебе все кипит, человек ходит вроде как пьяный...» Смотрю, Гришин улыбается, а Попов остановился читать и сказал: «Вот это правда», — и рассказа́л нам замечательный случай из своей жизни.

Говорит: «Работаю на кирпичном быстро, укладываю звонкие кирпичи за троих и тут же задумаюсь о своей белокурой неожиданно. Так задумаюсь, что моя рука с кирпичом висит в воздухе. Через минуту очнусь и теряю всякую ориентацию: где я, что?»

Читает дальше: «Едва Чувилёв оттащил лейтенанта, танк взорвался... Я почему его тогда поволок? — рассказывал Чувилёв. — Слышу, у него сердце стучит»...

После этого сначала самому Попову «попала мошка в глаз», а потом Гришин протяжно засморкался, а у меня свернулся комок в горле.

Под конец книжки: «Егор, я с вами собралась жить на век. Я вас буду любить верно, очень буду любить... Не отсылайте меня...» — Мы, не стесняясь, все плакали слезами радости. Только дядя Ваня вышел и говорит: «Пойду посмотрю, не немецкий ли летит самолет», а сам из кармана платок вынул.

Мы тогда же решили написать Вам вот это письмо от всей простой мужицкой души и поблагодарить Вас за Ваши статьи, которые дали ответы нам на вопрос: «Как же быть-то теперь?»

Маслов, Гришин и др.

14

Уважаемый Алексей Николаевич!

Недавно нам пришлось прочитать Вашу трилогию «Хождение по мукам». Сколько радости, высказываний, обсуждений вызвала Ваша книга. Мы искренно полюбили героев книги — русских людей, Катю, Дашу, Телегина и Рощина, которые в суровые годы революции и гражданской войны различными путями пришли к новой жизни в России. Мы увидели в книге настоящих живых людей с их человеческими страстями, переживаниями, замечательной человеческой любовью и желанием жить. Мы различны с ними по происхождению, но это наши русские люди, искренно любящие свою родину.

Мы сейчас изгоняем фашистскую нечисть со своей земли, и Вы нам помогаете не только своим словом гнева, но и той большой художественной правдой о людях, которую Вы пишете в своих книгах. Хочется выразить Вам свою глубокую и искреннюю благодарность за правдивое художественное слово и за минуты радости, пережитые во время чтения Вашей книги...

Лейтенант Изнев,
старший сержант Голубов.

29 июня 1944 г.

Дорогой Алексей Николаевич!

Рад и счастлив был получить Ваше письмо в жаркий день 29 июня, шагая в боевой колонне пехоты, артиллерии и танков по одной из дорог освобожденных мест Советской Карелии, только что пройдя полусожженную белофиннами деревушку. Сердечно признателен Вам за отклик на читательское письмо. Постараюсь боевыми делами ответить на Ваше письмо. Будьте здоровы и счастливы. Ждем с нетерпением окончания «Петра I».

С красноармейским фронтовым приветом Ваш читатель

Клопин Михаил Дмитриевич.

6 октября 1944 г.

Дорогому, любимому писателю Алексею Толстому от гвардейца Краснознаменной орденоносной Н-ской части Пчелкина Ивана Андреевича.

Я очень маленький человек, чтобы оценить Ваше гениальное произведение «Петр I».

Признаюсь и в том, что я малограмотный человек, самоучка. Но разве могу я удержаться от того, чтобы Вас не поблагодарить за такое произведение, как «Петр I».

Это произведение понятно и просто написано, и оно является неоценимым. Я и многие, как я, читали это произведение по нескольку раз здесь, на поле боя Отечественной войны, и читали с захватывающим интересом. За это приносім Вам гвардейское большое спасибо.

Хочется знать, дописали ли Вы знаменитый роман, и как бы радостно было, если Вы бы сообщили, что Вы еще пишете. Ведь мы, простые воины, тоже хотим понимать то, что пишут знаменитые люди. Хотя я и малограмотный, но знаю Вас, и Вы для меня являетесь любимым писателем. И полюбил я Вас только здесь, на поле боя, где уже сражаюсь четвертый год. Ваши произведения приносят удовлетворение, после чего смело идешь в бой.

И. Пчелкин.



Письма к М. ШОЛОХОВУ

1

15 октября 1943 г.

Сегодня с группой бойцов я прочитал книгу Михаила Шолохова «Они сражались за Родину»¹. Удивительно правдивая, без прикрас созданная книга. Она имеет большое воспитательное значение, особенно в данный период — период наступления нашей армии.

Многие из нас пережили тяжелые дни 1941 г., дни отступления. Мы знаем цену тех дней. Тогда мы тоже говорили словами бронебойщика Лопахина: «Бьют нас? Значит, подлом бьют. Воюйте лучше, сукины сыны! Цепляйтесь за каждую кочку на своей земле, учитесь врага бить так, чтобы заикал он смертной икотой». А теперь мы говорим: «Научились бить немца, и смертная икота его приближается с той быстротой, с которой она еще никогда к нему не приближалась».

При поддержке нашего народа и под мудрым, дальновидным руководством нашего любимого вождя маршала Советского Союза товарища Сталина мы завершим начатый разгром немцев под Москвой победоносным вступлением в Берлин. Эта возможность нам представилась потому, что таких, как Николай Стрельцов («...навалился грудью на разбитый бруствер и застонал, а потом заплакал от ярости и досады на

¹ Главы из романа М. Шолохова «Они сражались за Родину» печатались в «Правде» и «Красной Звезде». («Правда», 1943 г., 5—8 мая, «Красная Звезда» 6—8 мая), 4, 14, 15, 17 ноября («Красная Звезда» 4, 12, 16, 17 ноября); «Правда», 1944 г. 12—14 февраля (Красная Звезда 12, 13, 15 февраля); выходили отдельными выпусками: Михаил Шолохов, Они сражались за Родину, Воениздат НКО, 1943; под тем же названием — выпуск второй — 1943 г., выпуск третий — 1944 г.

собственное бессилие и от счастья, что вот оно сбылось! — высоту отстояли, и во-время подошла подмога, и бежит трижды проклятый, ненавистный враг!..»), капитан Сумсков («...Опираясь на левую руку, капитан полз вниз с высоты, следом за своими бойцами; правая рука его, оторванная осколками у самого предплечья, тяжело и страшно волочилась за ним, поддерживаемая мокрым от крови лоскутом гимнастерки...»; и он кричал: «Орëлики! Родные мои, вперед!.. Дайте им жизни!»), — рядовых, сержантов и офицеров — были тысячи в 1941 г. Они истекали кровью, но шли вперед. Они перемололи лучшие немецкие дивизии. Они своей жизнью еще в те суровые дни неравной борьбы заложили фундамент победы.

Читая эту книгу, вспоминаешь все пережитое и в душе благодаришь Михаила Шолохова за то, что он так правдиво и образно рассказал об этом.

Выражая благодарность писателю Михаилу Шолохову и издательству от своего имени, я благодарю и от имени бойцов части 49936, ибо я видел, как они слушали эту книгу, и думаю, что их мысли совпадают с моими.

С приветом *В. Шершнев.*

2

13 ноября 1943 г.

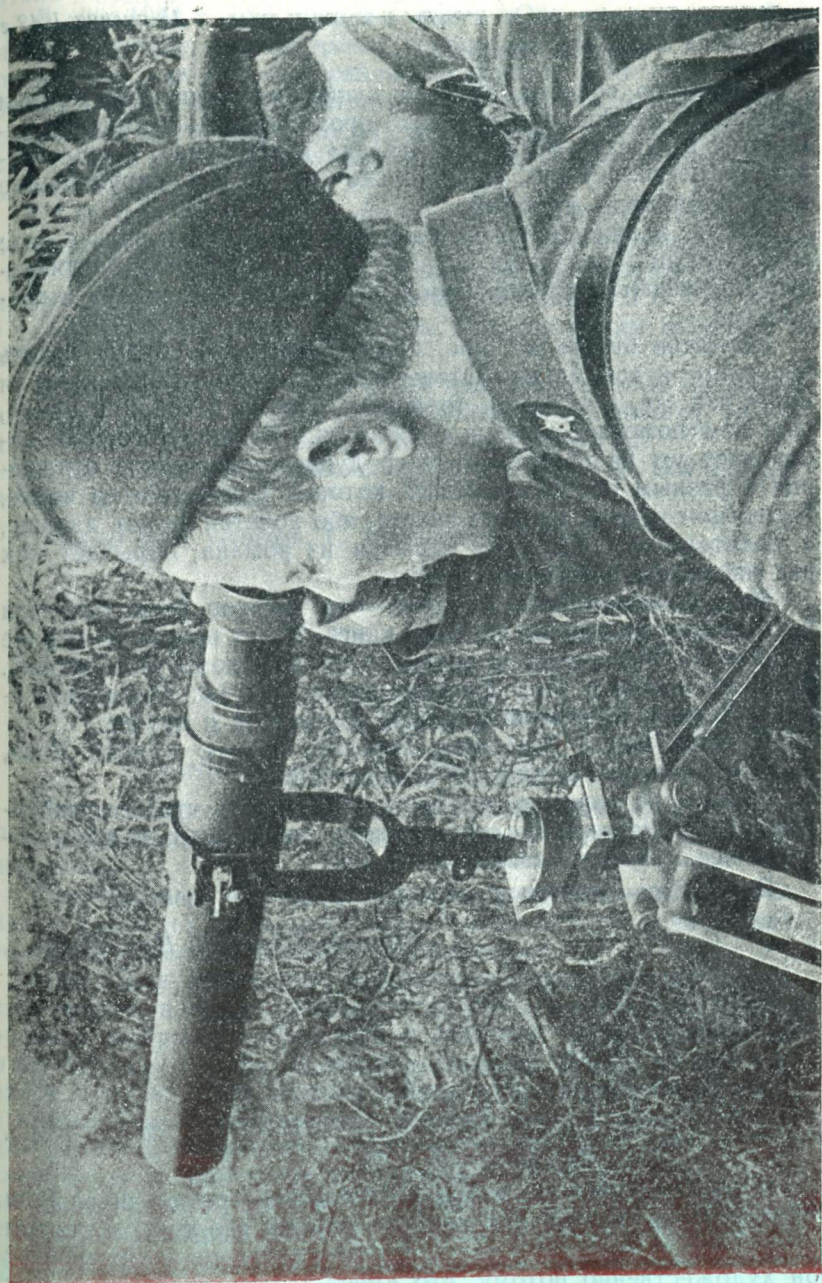
Прочитал книгу Михаила Шолохова «Они сражались за Родину». Невольно хочется поблагодарить автора за это замечательное произведение. Мне самому пришлось быть в то время на этом фронте и быть участником тех событий, которые описаны в книге.

Очень правдиво описаны чувства и переживания бойцов в бою, на марше и вообще вся фронтовая солдатская жизнь. Юмор в разговорах персонажей замечателен.

Эта книга не только высокохудожественное, но и очень поучительное в военном отношении произведение. Она может быть использована как хороший агитационный материал.

Хорошо было бы посмотреть кинокартину «Они сражались за Родину», которая, говорят, уже демонстрируется, а также увидеть на сцене театров это замечательное произведение эпохи Отечественной войны. Хорошо было бы также увидеть действующих лиц в наступательных операциях, что, не сомневаюсь, автор книги сделает.

С гвардейским фронтовым приветом
гвардии младший сержант *Мих. Аверков.*



М. Шолохов на командном пункте.

15 января 1943 г.

Товарищ Шолохов!

Скажу по совести, от всей души, что книгу Вашу «Они сражались за Родину», а также продолжения, которые помещаются в газетах «Красная Звезда» и «Правда», я прочитываю по нескольку раз. И не только я, а все окружающие меня командиры и бойцы.

Читая, я вижу и вспоминаю: да, они были и есть сейчас между нами — эти наши славные люди: Лопахины, Звягинцевы, Лисиченки и другие. Они передо мной, они живут и сражаются.

Кончатся битвы, а они будут жить. Я буду читать эту книгу и вспоминать Отечественную войну. Вашу книгу я ношу так же, как и мои товарищи, всегда с собой в сумке. Она нам помогает жить и сражаться. Больше того, она направляет ум на прямое, от всей души человеческое отношение к разным обстоятельствам, которые случаются на войне. Книга нам нужна. Пишите скорее, ибо хочется читать дальше, а издательство, выпуская отрывки из романа, обрывает как раз на самом интересном месте.

Многие командиры говорят, что хорошо было бы, если бы сделали кинофильм по этой книге. Хотят видеть на экране Лопахина, Звягинцева и других. Они нам помогут с экрана. Хочется, чтобы в этом фильме играли актеры: Крючков, Гиреев, Жаров, Мордвинов, Бучма, Барвинков и другие.

Я знаю, как о Вас писал Горький, я знаю «Тихий Дон», знаю «Поднятую целину», — я знаю Вас.

Может, не скромно, но скажу: хотелось, чтобы некоторые наши писатели и поэты писали не стихи, а вещи по-серьезнее... Лучше меньше, да лучше.

Всего Вам лучшего в жизни и труде. С приветом

капитан Хондочий Ник. Иван.

20 мая 1944 г.

Товарищ Шолохов!

Я когда-то еще до войны с особым интересом читал Ваш «Тихий Дон». Читал, как говорят, запоем все три, а потом отрывками и четвертую часть. Вывод сделал я такой: «Пишет он художественно потому, что имеет талант писателя, пишет

реально потому, что сам был участником всех этих происшествий на Дону».

В мае 1944 г. мне попала книга «Они сражались за Родину». Вначале, еще не читая, я подумал: «Ну, тут он не напишет так, как оно есть сейчас на фронте. Для этого нужно быть самому в окопах, иметь в руках пулемет, одним словом, сражаться на передовой. А раз он не бывает в бою, то по рассказам или воображению писать трудно, и роман будет только на 50% реальным».

Свою ошибку я увидел тогда, когда прочитал первую, а потом третью книжечку. Пишите Вы не как Шолохов, а как сам Лопахин или Звягинцев. Например, наступление немцев, артподготовка, переживания Звягинцева (выпуск 3, стр. 12—13—14) описаны очень правдиво. Все это я сам испытал, а потому знаю и пишу Вам.

Копытовские у нас есть, и без них скучно. Если выбывает из строя такой, как Ваш Копытовский, тогда некому разбудить улыбку на устах бойцов в тяжелые минуты.

Буду читать продолжение, тогда еще напишу. Все зависит теперь от обстановки.

Желаю Вам успехов. С уважением к Вам

И. Ф. Ратушнюк.

5

21 мая 1944 г.

Многоуважаемый товарищ Шолохов!

Прочитав продолжение Вашего романа «Они сражались за Родину» (выпуск третий), я решил написать свой отзыв и пожелания.

Конечно, я не критик и в литературном творчестве разбираюсь слабо, но раз издательство просит отзывы от читателей, то явилось желание просьбу удовлетворить.

Итак, Ваш роман, как литературное произведение, по-моему, явится ценным вкладом в историю нашей современной русской литературы. Характер и действия героев Вашего романа отражают русскую действительность. Особенно мне нравится Лопахин. Этот человек уверен в своих поступках, тверд и непоколебим. Это типичный русский солдат, который пройдет сквозь огонь и воду и выйдет победителем. Этот типичный герой в типических обстоятельствах будет в памяти у всех читателей, а особенно у испытавших на своих плечах все ужасы современных боев. В Лопахине отражается не только современный русский солдат. Действия его, поступки сходны

с поступками и действиями гренадера Семена Новикова времен великого русского полководца Суворова.

Я считаю, что в Вашей книге правдиво отражены взаимоотношения между солдатами. Несмотря на то, что они подшучивают друг над другом, в нужное время они всегда готовы постоять один за другого. Правдиво сказано устами Звягинцева о нашей авиации. В самом деле, сердце петухом поет когда наши соколы вылетают во-время и крепко дают себя чувствовать немецким стервятникам.

...Литературное произведение будет ценным тогда, когда в нем будет верно отражена действительность. В нем должны отражаться и хорошие стороны, и плохие. Я считаю, что Ваш роман есть и будет таковым до конца. Тема Вашего романа, по-моему, широка, она охватит весь ход событий за весь период Отечественной войны... Надеюсь, что среди героев Вашего романа каждый читатель найдет себя...

Современный солдат — это не старый солдат царской армии. Он не только физически силен и храбр, но и умен. Очень многие рядовые имеют высшее и среднее образование, жизненный опыт и в любое время могут заменить командира. По-моему, нужно показать не только положительные стороны командиров, но и отрицательные, а они имеют место. Командируверяются человеческие жизни, поэтому каждый командир должен быть высококвалифицированным, преданным своему делу. Он должен быть строг, настойчив и в то же время человеколюбив.

Продолжайте писать так, чтобы было над чем посмеяться до боли в животе и взгрустнуть до боли в сердце. В своем романе уделите внимание женщине. Женщины — это наши матери, жены, любимые девушки. Покажите женщин стойких, преданных и в противоположность им — малодушных.

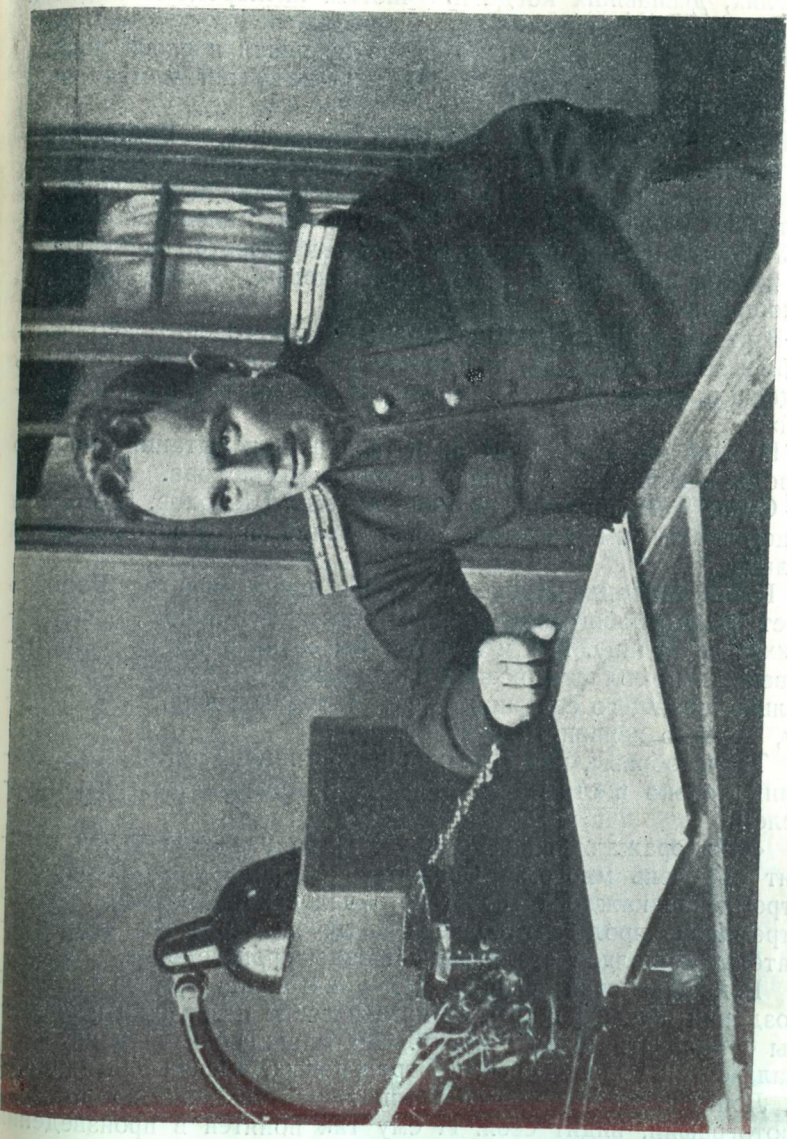
...Желательно, чтобы Вы написали мне лично свои замечания на мой отзыв и пожелания.

Будьте здоровы. Желаю Вам плодотворно работать во славу и процветание русской литературы.

С уважением к Вам рядовой *Бачин К. Я.*

25 мая 1944 г.

Несколько раз прочел я небольшие по размеру, но исключительно ценные по содержанию две части романа Михаила Александровича Шолохова «Они сражались за Родину».



М. Шолохов

Читали мы их вслух и слушали, что называется с открытыми глазами; слушали так потому, что в них про нас написано — про колхозников, рабочих и интеллигентов в серых солдатских шинелях, дышавших когда-то чистым кислородом полей и угольной пылью шахт.

Я еще ничего, никаких отзывов не писал в своей жизни, хотя все лучшее в литературе всегда вызывает у меня чувство благодарности.

Роман Михаила Шолохова «Они сражались за Родину» переполнил меня этим чувством, и я решил написать, решил громко крикнуть: спасибо, Михаил Александрович! Пишу я не только как рядовой читатель, но и как маленький критик.

Ужасную войну, полную грабежей и зверств, начали немцы против нас — Лопахиных, Звягинцевых, Стрельцовых и Голощековых...

В своем приказе № 70 товарищ Сталин говорит: «Отечественная война показала, что советский народ способен творить чудеса и выходить победителем из самых тяжелых испытаний».

Именно об этих чудесах и тяжелых испытаниях нашего народа и написано в романе Михаила Шолохова.

Строг и беспощадно правдив Михаил Шолохов. В каждом описываемом им событии осью является неопровержимая правда...

Книга Михаила Шолохова «Они сражались за Родину» дает яркие обобщающие образы советских людей, сражающихся за родину. Где и кто мог бы создать образ производителя и солдата, всегда находчивого и разумного, сознательно любящего свое шахтерское и военное дело, свою родину, полного ненависти к врагу?

Такие образы, как Лопахин и Звягинцев, могли быть созданы только в стране социализма и только советским писателем.

«Они сражались за Родину»! Одно название книги говорит об очень многом. Сражаться за родину — благородное стремление каждого советского человека, патриота. И это стремление пролегает солнечным лучом через все это замечательное, полное сталинской правды произведение.

Война, начатая фашизмом, уничтожила много лучших созданий нашей родины, ее исторические памятники и шедевры социалистической стройки. Она лишила жизни и изуродовала сотни Голощековых и Стрельцовых, тысячи Звягинцевых и Лопахиных, в которых патриот-читатель, как на хорошей фотографии, видит себя. И ему так понятен в произведении Шолохова простой и красочный, высокохудожественный русский язык.

...Роман Шолохова «Они сражались за Родину» — большой вклад в общее дело разгрома врага.

Читатели этого замечательного произведения — те же Лопухины, Звягинцевы, Голощековы и Стрельцовы — мстят сейчас врагу за своих братьев.

Убедительно прошу Воениздателство передать Михаилу Александровичу Шолохову мое солдатское спасибо за ту сталинскую правду, которую он несет нам в своих произведениях.

Иван Васильевич Голубев.

Краткие сведения о себе. В РККА с 1939 г. Воинское звание — старшина. Член ВКП(б) с 1942 г. Рожд. 1919 г. Работаю ком. взвода и парторгом роты.

7

24 декабря 1944 г.

Читая книжечки «Они сражались за Родину», я не раз восхищался красотой языка, стилем, реальным отражением той действительности, в которой рождаются настоящие герои. Как будто бы Шолохов жил в каждом из нас, видел и изучал все до мелочи. Я пережил то же, что Звягинцев и Лопухин. Я участник начала этой битвы и даже в тех местах бывал, где были герои Шолохова. Я также недоволен был, когда подавали команду: «На новые рубежи». Я чувствовал, что покидаю что-то свое, покидаю жизнь, радость, надежду, покидаю завоеванное в течение двадцати пяти лет. Это подлинный мой дневник, который я буду хранить, как тот, что был разорван снарядами у стен Ржева. Каждый из нас, читая настоящую книжечку, старается заучить на память замечательные выражения Шолохова. Уже сейчас красноармейцы выступают с рассказами из этого романа. Прошу Вас (очень прошу), передайте писателю Шолохову большое, большое спасибо за яркое изображение нашей фронтовой жизни.

Мы с нетерпением ждем того момента, когда сможем прочитать этот роман в полном виде. А теперь пожелаем писателю дальнейших успехов в деле завершения этого романа.

С нетерпением ждем последних его строк.

Фронтник Василий Павлишин.

Здравия желаем вам, дорогая редакция!

Шлем вам от души свой горячий фронтовой красноармейский привет.

Сегодня прочитали «Они сражались за Родину», выпуск второй, и шлем вам свой отзыв на эту книгу. Месяца два назад мы читали первый выпуск. Мы тогда стояли под городом Речица (Белоруссия) и вели ожесточенный бой за населенный пункт Романовка. Немцы на этом участке, имея численное превосходство в живой силе и технике, переходили днем и ночью в частые контратаки, имея задачу вернуть ранее потерянные ими позиции. Обстановка усложнялась, наша пехота то и дело просила артиллерийского огня. Нам, артиллеристам, приходилось вести артогонь днем и ночью, и немецкие контратаки были отбиты одна за другой. На третий день жестокого сражения, в 10 часов утра, немецкая пехота и автоматчики при поддержке «тигров» и «фердинандов» и пикирующих бомбардировщиков снова перешли в контратаку, но наши огневые расчеты заранее все тщательно подготовили для стражения немецкой атаки. Помимо оружейных расчетов были выделены истребительные группы на случай просачивания танков и автоматчиков. А в свободную минуту мы читали книгу «Они сражались за Родину», только что принесенную письмоносомцем на огневую позицию. Мы смеялись до слез над Лопахиным, Звягинцевым и поваром Лисиченко, особенно над Лопахиным, вспоминали и свою жизнь, пройденный боевой путь за это время. Так мы дочитали эту книгу почти до половины, где автор изображает, как немецкие танки атакуют высоту, обороняемую батальоном, в котором находились тт. Лопахин и Звягинцев. В это время с наблюдательного пункта на нашу огневую позицию передали команду рассеять по местам фашистские танки. Пехота и автоматчики пошли в атаку. Каждый номер быстро занимал свое место, у орудия кричали, повторяя слова Лопахина и Звягинцева, — «пусть идут, мы им всыпем, всыпем фашистским гадам». Мы вели беглый огонь, но фашистские танки и автоматчики все же просачивались и подходили вплотную к нашим НП. Бой принимал ожесточенный характер. Связь была порвана осколками снарядов. Телефонисты, поправлявшие линию связи, то и дело выходили из строя один за другим. С целью сохранить живую силу нашим управлением было приказано покинуть наблюдательные пункты. Но отдельные смельчаки-артиллеристы не покидали своего рубежа. Вот артиллерист — старший сержант, радист Медведев Иван Матвеевич, ныне Герой Советского Союза. Фашистские автоматчики кричат: «Рус, сдавайся, ты в кольце», но Медведев бросает несколько противотанковых гранат, и

шесть немецких автоматчиков падают замертво. Воспользовавшись минутой, т. Медведев через свою рацию вызывает огонь наших батарей на себя. В это время прямо сверху в окоп прыгнул на Медведева немецкий автоматчик, но герой Медведев не растерялся, выхватил кинжал, висевший на боку у немца, и заколол его. Другой фашистский автоматчик выстрелил в Медведева. Медведев упал, но не был убит, а только ранен в руку. Огневой взвод, вызванный по команде Медведева, дал залп гранатами. На поле боя валялись сотни немецких трупов, горели «тигры» и «фердинанды». Фашисты отступили. Вечером в землянке мы дочитали книгу М. Шолохова, и каждый из нас восхищался талантом автора. И вот теперь читаем второй выпуск и снова восхищаемся этим произведением, в котором так ярко отражена наша солдатская жизнь, наша солдатская сплоченность, наша любовь к родине.

Мы, бойцы и командиры, красные артиллеристы, благодарим Вас, Михаил Шолохов, за выдающиеся заслуги в области художественного слова и желаем Вам впредь жить и здравствовать, желаем горячей плодотворной работы на благо нашей родины.

Я рассказал бойцам о замечательных произведениях М. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Бойцы слушали с увлечением, и каждый восхищался автором этих книг.

Все бойцы и командиры нашего коллектива просят Военное издательство выслать «Тихий Дон» (все 4 книги) и «Поднятую целину» за наличный расчет или в виде подарка для фронтовиков.

Примите от нас наилучшие пожелания.

Жуйков Павел Матвеевич.

Уважаемый товарищ Шолохов!

Комсомольский актив соединения генерал-майора Витошкина решил послать это письмо на конференцию по Вашей книге «Они сражались за Родину».

Мы тщательно подготовились к проведению этой конференции. Кроме выступлений, посвященных освещению в Вашей книге таких тем, как солдатская дружба, неугасимая ненависть к врагу и горячая любовь к Родине, рождение боевого мастерства, единство фронта и тыла, мы подготовили целый ряд комсомольцев, прочитавших отрывки из Вашей замечательной книги, отражающие картину боя, жажду боя, благо-

родное чувство ненависти к немецким захватчикам. Мы также показали на сцене интересные разговоры Звягинцева, Лопахина, Стрельцова — основных героев Вашей книги.

С особым успехом прочли свои доклады комсорги Пирко и Молчанов.

Хорошо был передан разговор Лопахина со Стрельцовым (из первого выпуска) в инсценировке товарищами Леонидовым и Виноградовым.

Мы отметили, что Ваша книга сыграла огромную роль в нашей воспитательной работе и поэтому выносим Вам, тов. Шолохов, большое комсомольское спасибо за Ваш труд, оказавший нам неоценимую помощь в проведении бесед с бойцами, сержантами, офицерами.

Однако многие комсомольцы-активисты выразили глубокое сожаление, что в Вашей книге, кроме эпизодического образа комсорга Кочетыгова, больше ничего нет о скромной, но большой работе наших комсомольцев-активистов, которые под руководством партийных организаций несут на своих плечах основную тяжесть воспитательной работы среди молодежи и добиваются на первый взгляд незаметных, но весьма ощутительных для врага результатов.

Воспитанник нашей комсомольской организации Туйчи Эрджигитов, пришедший к нам застенчивым юношей, не понимавший вначале своих задач, своего места в бою, благодаря повседневной работе комсомольской организации был принят в ряды ВЛКСМ и повторил бессмертный подвиг Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матросова.

Мы знаем, что Вы Вашу книгу еще только начали, что она еще будет продолжена, ибо Звягинцев и Лопахин и сотни таких же бойцов перешли границу Восточной Пруссии и там громят врага.

Мы надеемся, что вскоре узнаем в образе скромного комсомольца-активиста, показанного Вами, нашу молодежь.

Мы просим Вас, тов. Шолохов, в дальнейших выпусках Вашей книги показать также, как воспитывается и вырабатывается боевое мастерство на учебных полях в тылу и как бойцы, плохо относящиеся к учебе, расплачиваются на фронте своей кровью, понимая только после этого, какую ошибку допустили они, забыв Суворовский лозунг: «Тяжело в учении — легко в бою».

Просим Вас, товарищ Шолохов, сообщить нам о Ваших творческих замыслах. Желаем Вам дальнейших успехов, плодотворной работы в деле поднятия нашей литературы периода Великой Отечественной войны на новую высоту. И впредь показывайте правдиво, во всем величии, непревзойденные образцы подлинного героизма народа в защите своего социалистического отечества.

Письмо принято единогласно на общей конференции комсомольского актива соединения генерал-майора Витошкина.

По поручению слушателей конференции

лейтенант *Лисиченков*,

старшина *Нирко*,

сержант *Елисеев*.

г. Камышилов.

10

16 февраля 1945 г.

Сегодня я прочитал своим бойцам главы из романа Шолохова «Они сражались за Родину», и хотя бойцы устали и в землянке было темно, но все с огромным вниманием и интересом прослушали до конца.

Что нам особенно нравится у Шолохова? Прежде всего, его умение видеть отдаленные уголки души солдата-воина Красной Армии, прекрасное понимание психологии нашего бойца.

Кто из нас не пережил тех минут, какие показаны в переживаниях Звягинцева во время огневого налета на передний край нашей обороны? Когда я читал это место, то среди моих бойцов пронесся общий гул вздохов — вспоминалось пережитое каждым в первом бою, да и не только в первом. А как мы смеялись по поводу острой, но не враждебной перепалки между Лопахиным и Копытовским. В армии нет, пожалуй, ни одного подразделения, в котором не нашлось бы таких друзей. Да мало ли чего хорошего в этом романе. Вот стих бой. «Звягинцев внимательно смотрел на упруго качающуюся запыленную ромашку, на невероятно-нарядного шмеля, смотрел так, будто все это видел впервые...». И дальше Звягинцев думает: «Как будто и боя никакого не было, вот диковинные дела!» Ах, как это верно сказано! Сколько раз я сам это переживал. В жарком бою уходишь от всего земного и вдруг снова видишь тот же мир. Мне кажется, что это мог написать человек, переживший сам такие минуты. Выразить свои чувства и мысли более точно у нас, к сожалению, нет ни времени, ни условий.

Мл. лейтенант *Д. Микрюков*.

30 апреля 1945 г.

Уважаемый товарищ из Воениздата!

Очень прошу передать мое большое искреннее спасибо Михаилу Шолохову за его книгу «Они сражались за Родину». Я только что прочел отрывок из нее, изданный в 1943 г. Я знаю Шолохова по его «Тихому Дону» и «Поднятой целине» и узнаю его художественное творчество в вышеприведенном отрывке. Эта маленькая книжечка в 59 страниц способна вызвать в мыслях читателя такие картины и события, описание которых заняло бы несколько томов... Сколько милых сердцу картин встает в моей памяти при чтении отрывка... Несмотря на печальные события, описываемые в этом отрывке, книжечка на меня лично производит хорошее, ободряющее впечатление и зовет к новым схваткам с врагом до полной и окончательной победы над ним.

Желаю тов. М. Шолохову дальнейших творческих успехов на литературном поприще. Надеюсь прочесть еще не одно его произведение как в дни завершающей стадии войны, так и в послевоенный период.

С фронтовым приветом

лейтенант П. Н. Торкунов.

Письма
к
Н. ТИХОНОВУ

1

16 июня 1942 г.

Дорогой Николай Семенович!

Кому, как не Вам должны быть понятны чувства ленинградцев, волею судьбы оторванных в эти грозные дни от своего родного, любимого города.

Многие из нас были оторваны от Ленинграда в самом начале войны, когда первые отряды народного ополчения в июле прошлого года шли на фронт защищать свой город от обнаглевшей фашистской своры...

Любовь к родному городу, его прекрасный героический образ, воспоминания о нем тянут нас здесь друг к другу, а всех вместе к нему, к Ленинграду. А поэтому каждое слово о Ленинграде по радио, каждая строчка письма от кого бы она ни исходила и к кому бы ни была обращена, каждая заметка в газете и особенно каждый из Ваших очерков и рассказов — для нас целый праздник.

«Черты советского человека»¹, «Ленинград в мае»², «Ленинград в июне»³, «Мальчишки»⁴ — зачитывались нами до дыр.

Мне очень часто приходится встречаться с ленинградцами, прибывающими в наш полк из госпиталей и батальонов выздоравливающих. Первые вопросы, которые задают после состоявшегося знакомства, — о письмах.

¹ «Правда» 6, 8, 12, 15, 20 марта 1942 г., Отд. изд. «Ленинградские рассказы» («Черты советского человека»), 1942.

² «Красная Звезда» 9 мая 1942 г. См. Н. Тихонов. Ленинградский год, Л. 1943, стр. 9—14.

³ «Красная Звезда» 12 июня 1942 г. См. Н. Тихонов, Ленинградский год, Л. 1943, стр. 15—24.

⁴ «Красная Звезда» 8 мая 1942 г.

Письма из Ленинграда попрежнему идут медленно и редко. Это очень огорчает ребят. И чтобы доставить им удовольствие, я всегда говорю, что письма есть. Для этого каждую строчку, которая говорит о Ленинграде в попадающих ко мне газетах, я теперь вырезаю и складываю в особую папку. Таких «писем» у меня накопилось уже порядочно. Среди них есть и иллюстрированные: то виден Исаакиевский собор, то шпиль собора Петропавловской крепости, то уголок Проспекта 25 Октября. И когда я открываю эту свою драгоценную папку, у ребят жадно блестят глаза. Они нетерпеливо набрасываются на Ваши очерки и рассказы, на газетные заметки и иллюстрации. Тут же вспоминают и рассказывают о своих родных улицах, заводах. Уходят удовлетворенные, благодарят за добрые вести. Я встречаюсь с сотнями людей из разных уголков нашей обширной страны, но ни у кого я не видел такой любви к своему городу, как у ленинградцев.

Удивительный город! Удивительные люди! Сегодня в «Красной Звезде» за 14 июня мы с любовью прочли Ваш новый очерк «Под Ленинградом». Комиссар Георгий Журба, о котором вы пишете,—мой давний друг. Я давно потерял с ним связь, а вот сейчас у меня явилась мысль обратиться к Вам с просьбой переслать ему мое письмо и таким образом помочь мне установить эту связь. Я очень прошу Вас, Николай Семенович, не отказать мне в этой любезности.

Уважающий Вас бывший начальник цеха завода «Красный треугольник», народный ополченец, ныне политрук роты учебного Автомобильного полка

А. П. Брехов.

г. Свердловск.

2

21 ноября 1942 г.

Дорогой товарищ Тихонов!

Я — ленинградец. Коренной житель Ленинграда. Вырос, учился там и уехал вместе со своей частью 2 августа 1941 г... Несмотря на то, что от Ленинграда меня отделяет более 1000 км, да вдобавок еще фронт, мое сердце, мои мысли, мои думы ежечасно и ежеминутно вместе с Вами в Ленинграде.

Вы не представляете себе, как мы, ленинградцы, находящиеся на других участках фронта, ждем Ваших статей в газете или журнале. Получив газету, спешим посмотреть, а что есть сегодня о Ленинграде и нет ли Вашей статьи. Мои товарищи знают мою слабость, и сегодня, как только принесли газету «Фронтальная иллюстрация» № 25 от

7 ноября, несколько человек в один голос воскликнули: «Дайте скорее газету Аввакумову, там есть стихотворение Н. Тихонова и стихи о Ленинграде».

К чему я пишу все это Вам? Я хочу поделиться с Вами тем, с каким волнением читаем мы каждую Вашу статью о нашем любимом городе — городе-герое...

Борясь с врагом под Воронежем, я думаю о том, что с каждым ударом по врагу здесь мы облегчаем положение дорогого города Ленина...

Везде нужны люди, везде, на всех фронтах, нужна вооруженная сила для окончательного разгрома врага, но... но в сердце живет мечта, а в груди горит желание попасть на Ленинградский фронт. В минуты отдыха закрываешь глаза с думой о Ленинграде и в момент тревоги, открыв глаза, первая мысль о Ленинграде.

Вам, дорогому ленинградцу, пламенный привет с Воронежского фронта. Желаю Вам силы и здоровья в дальнейшей Вашей плодотворной работе...

С пламенным боевым приветом

старший лейтенант *Аввакумов*.

3

7 апреля 1943 г.

Дорогой товарищ Тихонов!

Ваш привет из Ленинграда, напечатанный в газете нашей части, был самым дорогим и близким. Для меня лично это был приятный подарок в день моего рождения. Ленинград для меня не только родной город, из которого я отправился на фронт добровольно, но и город, в котором я получил образование и специальность, которая помогает громить врагов.

20 месяцев я на фронте, 20 месяцев я не видел родного города. Ваши статьи как бы переселяли меня на улицу, по которой я ходил на работу, на улицу, где я гулял с своим любимым сыном. А привет Ваш как бы провел меня по всему городу.

Вы — наш боевой полпред. Примите мое фронтовое красноармейское спасибо за привет. На каком бы участке фронта наша часть ни находилась, всегда мои мысли о Ленинграде и ленинградцах.

За это время многое вынес наш любимый город-герой. Многое пришлось испытать Вам, ленинградцам. Но Вы, преодолев все трудности, вышли победителями. Слава Вам!

Я обещаю Вам, дорогой товарищ Тихонов, что буду верен воинской присяге и до последнего дыхания буду драться для достижения полной победы над заклятым врагом. Я должен отомстить за смерть отца и брата. Я должен отомстить за мою родину, за мой любимый город.

Передайте ленинградцам, что их земляки, находящиеся в нашей части, не подведут их и будут драться так, как достойные сыны великого города Ленина. Пусть перо Ваше, как всегда, будет острым, приятным для друзей Ваших и смертоносным для врагов.

Передайте сердечный привет и благодарность Александру Прокофьеву за его привет в стихах, напечатанный в газете нашей части.

До приятных встреч в нашем любимом городе, в котором собираюсь услышать Вас рассказывающим о победе над врагом.

Владимир Решнер.

4

31 мая 1943 г.

Здравствуйте, товарищ Тихонов!

Вам и всему коллективу ленинградских писателей шлю пламенный партизанский привет.

Пусть Вам не обидно будет читать мои наспех написанные строки русского человека, партизана, находящегося в глубоком фашистском тылу, копающего могилу для гитлеровской грабь-армии. Мы с Вами — ленинградцы, и Вашим упорством гордимся. Слава Вам, герои города Ленина!

...Дорогие ленинградцы, своим упорством и волей к победе вы вселяете дух во всех русских людей, находящихся на территории врага. Мы по вас равняемся. Час победы близок, враг уже дрогнул.

...Тов. Тихонов, Вы можете гордиться своими статьями о Ленинграде. Их читает вся оккупированная Украина, Белоруссия, Польша и Чехословакия, мы проталкиваем их и в Германию.

...Тов. Тихонов, Ваши статьи о Ленинграде мы по несколько раз перечитываем и гордимся тем, как борется русский народ за свой город. Но мы обижаемся на писателей за то, что они мало пишут о партизанах. Большое спасибо Володимиру Сосюра, приславшему нам написанный им пролог к поэме «Ковпак» — об украинском герое, командире партизанского



Н. Тихонов (второй справа) на Пулковских высотах (передовые позиции под Ленинградом), 1943 г.

отряда, Герое Советского Союза Ковпак. Мы надеемся, что и Вы сумеете в своем творчестве отобразить героическую борьбу русских партизан.

До свидания, ждем от Вас новых рассказов и книг. Читать их будем днем и ночью у костра.

С партизанским приветом

Георгий Бессонов.

Написано по прочтении статьи «240 лет Ленинграда» в газете «Правда» за 27 мая 1943 г.

5

14 июня 1943 г

Товарищ Тихонов!

С большим, захватывающим интересом я всегда читаю все, что Вы пишете, но Ваш очерк «Ленинград в мае»¹ произвел на меня необычайное впечатление, и мне хочется читать его, не отрываясь, как от чудесной книги. Да, Вы истинный мастер слова, проникающий в самую глубину сердца, чувств, мыслей, вдохновляющий на борьбу с врагом, со злым духом, со стихией.

Я — уроженка Ленинграда, мне 52 года; всю жизнь прожила в нем. Я преклонялась всю жизнь перед его культурой, историей, перед всем его величием, я горжусь своим родным городом-героем и считаю его самым величественным городом мира. Я прекрасно знаю все его окрестности, и все мое существо горит при мысли о том кощунстве, которое допустили дикари; я просто боюсь представить себе мысленно всю эту картину. Нет слов, чтобы выразить возмущение, которое охватывает все существо. Все сливается в двух словах: Смерть гуннам!

Только смертью, только полным уничтожением можно отомстить диким варварам.

22 ноября 1941 г. я пошла добровольно работать санитаркой в полевой передвижной госпиталь, чтобы выполнить долг перед родиной, чтобы в дни страданий и испытаний быть совсем рядом со своим народом. Я стойко переношу все трудности фронта, я отдаю всю свою душу и все свои силы раненым и получаю глубокое удовлетворение от своей работы. А бойцы, командиры и политработники называют меня родной мамашей за любовь, самоотверженную ра-

¹ «Красная Звезда» 30 мая 1943 г.

боту, за уход, ласку, патриотизм. Успокоенные, ободренные, обласканные, с новым теплом, с новыми силами идут они на борьбу с врагом, на защиту родины. Я получаю от них замечательные письма, которые мне дороже всего на свете...

Но я уже старый человек, иногда меня охватывает тоска от всех переживаний, трудностей и усталости, и вот такая статья, как Ваша, вдохновляет, вливает новые силы, и снова берешься за работу со всей страстью и поднимаешь бойцов физически и духовно на наше общее дело разгрома врага. Вашу статью я буду беречь, как сокровище, и читать всем бойцами, командирам и политработникам.

М. П. Егорова.

6

25 июня 1943 г.

Товарищ Тихонов!

Мне сестра из Ленинграда прислала по почте вашу книгу «Ленинградский год»¹. Прочитав ее, я решила написать Вам это письмо. Я прожила в Ленинграде первую страшную голодную зиму, под обстрелами, бомбежками и голодом. Когда началась война, у меня был муж, ребенок, отец, мать и сестра. Были любимые соседи, с которыми мы вместе прожили 10 лет. Муж 25-го ушел на фронт, он был лейтенант, моряк, и с тех пор я не имею от него ничего. Я работала на одной из фабрик Ленинграда, и после первой зимы, к весне, я похоронила отца. Умер и мой двухлетний Юрка. Настала весна, апрель. Мы с мамой эвакуировались по последнему зимнему пути по Ладожскому озеру. Мы ехали месяц. Страшно и тяжело вспомнить. Я с ужасом видела, что мама таяла с каждым днем. Мы приехали в Йошкар-Ола к брату. Маму отправили в больницу, и она умерла на десятый день. Я сейчас уже год живу здесь одна: брата взяли в армию. Живу хорошо, но все мои мысли все время там, в Ленинграде, и Вы можете представить, как я читала Вашу книгу. Это была не книга, а письмо, письмо от близкого человека, и я от всей души благодарна Вам. Мне 32 года, но сколько ужасов пережила уже и сколько потеряла близких людей. И тем сильнее хочется бороться и думать о том, чтобы скорее настал час победы.

С приветом *Е. А. Абрамова.*

г. Йошкар-Ола.

¹ Николай Тихонов, Ленинградский год, Л. 1943.

28 декабря 1943 г.

Уважаемый товарищ писатель
Николай Тихонов!

...Вчера прочитал в журнале «Красноармеец»¹ Ваш рассказ «Мгновенье» о человеке, близком мне, и хочется сказать: Вы создали реальный, яркий образ девушки-героини Жени Стасюк. Такой мы знали ее, родные и друзья, и таким навсегда запечатлелся в нас ее светлый образ. Она погибла. Много погибло юных, но юность непобедима и всесильна. И за смерть юных мы отомстим. За жизнь и процветание юности мы будем беспощадно бить оккупантов. И мы победим, потому что непобедима юность. А светлые образы юных будут гореть в наших сердцах; образы юных, погибших за наше счастье, будут звать нас к отомщению.

Искренно и горячо уважающий Вас *Владимир Сашонко.*

1942 г.

Николай Семенович!

Ваши «Ленинградские рассказы» произвели на меня сильное впечатление. В своих десяти рассказах Вы показали обыкновенных советских людей—мужчин и женщин, старых, молодых и совсем юных, людей труда, науки и искусства, показали их в обстановке и условиях блокады Ленинграда. И у всех у них Вы отметили черты героизма в разной доле и в разной форме, соответственно их развитию, положению и возрасту, а потому эти правдивые рассказы крепят нашу веру в победный успех кровавой борьбы. Это я испытал на себе. Ваши рассказы я переслал моей эвакуированной на Волгу сестре. Прочитав рассказы, она высказала в письме о них ряд своих критических замечаний. Не согласившись с этими замечаниями, я подробно на них ответил в двух своих письмах.

До отсылки сестре моего первого письма я прочитал его моему знакомому. Тот высказал мнение, что подобный обмен мыслями по поводу литературного произведения было бы небезынтересно прочитать автору книги. Согласившись с этими мнениями, я посылаю Вам копию моих обоих писем.

Я не знаю вашего личного адреса и потому посылаю письмо на адрес редакции «Известий» с просьбой переслать Вам.

Б. И. Пятницкий.

¹ «Красноармеец» 1943, № 21—22.



Н. Тихонов (в центре) среди военкороз Н-ской дивизии, 1943 г.

Дорогая Оля!

...Перехожу к твоим замечаниям по рассказам Тихонова

...Твое первое положение — фронтовые рассказы пишутся в тылу в безопасной обстановке — совершенно не соответствует действительности. Также ошибочно и второе твоё положение, что рассказы эти надуманны, неестественны. Это может быть, можно, сказать лишь в совершенно исключительных случаях. А в огромном большинстве все эти фронтовые записи и рассказы созданы на основе собранных на фронтах же материалов об имевших место случаях... Н. Тихонов — хороший поэт и ещё лучший прозаик. Его ленинградские рассказы вызвали большую критическую литературу. По недостатку времени я не читал, а только проглядывал эти статьи, но пишу об этих рассказах, руководствуясь исключительно моими личными мыслями.

Первый рассказ «Люди на плоту» ты раскритиковала как нехудожественный на основании «личного опыта». Но должен сказать, что твой «опыт» и ссылка на него меня не убедили. Ты не учиываешь особых свойств морской воды. Что касается испытываемого удушья, то обрати внимание, что когда вода подбросила фотографа вверх, то он был «полузадушен», т. е. Тихонов отмечает то, о чём говоришь ты. Второй рассказ «Поединок» тебе показался нежизненным, но потом ты признала свою некомпетентность, потому что «по радио» передавали о подобном случае. Прежде всего я думаю, что по радио ты слышала чтение артистом этого самого рассказа. А главное — общеизвестно, что фашистские летчики любят высматривать из поднебесья незащищенные пассажирские и товарные поезда и затем, не опасаясь огня зениток и наших самолетов, пикируют на эти поезда и бомбят. То же они делают в море с пароходами. Последние спасаются от бомбежки, если штурман умело и во-время меняет курс судна. А как же быть поезду? С рельсов в сторону не свернешь. И вот машинисты, наблюдая за полетом самолета, стараются спастись от брошенных бомб, меняя скорость хода поезда, а в отдельных случаях, давая задний ход. Это не фантазия Тихонова, а беллетристическая обработка фактических данных, сообщенных железнодорожниками. И обработка, надо сказать, не плохая.

Рассказ «Новый человек» тебе понравился. Рассказ отличный по его силе и стилю. Твое же замечание, что этот рассказ «не о войне», а только «на фоне войны», мне непонятно. Ленинград бомбят. Горд в огне. Вот обстановка Ленинграда в те дни, к которым относятся Тихоновские рассказы. Какой же еще «войны» нужно, когда от брошенной бом-

бы с лица земли исчезает дом с жильцами, обедавшими, пившими чай, игравшими с детьми. И вот в этой обстановке рождается новый человек. Нет, он родился не «на фоне войны», а на фронте, под осколками бомб, от которых вместе с матерью мог погибнуть в первые же минуты своей жизни. И ты совершенно не права, что таких женщин, как Ирина, в жизни мало, их гораздо больше, чем мы думаем, и проявляются эти безвестные героини в тяжкие дни жестокой борьбы, а не в условиях мирной обстановки.

Рассказ «Мать» по-моему не хорош: «неправдоподобен и у матери много холодности». Я не согласен. Прежде всего, описывается бой не на специально выбранной для того местности, а среди деревень, где двигались беженцы с детьми и вещами и где могли пройти и мать с дочерью. Затем мать узнала знакомого бойца — Павлика, — и какое же основание задерживать мать Бори, находящегося в том же батальоне? А теперь о самом главном — о спокойствии матери. Я именно подчеркиваю — спокойствии, а не холодности, как пишешь ты. Формы и ступени материнской любви и заботы крайне разнообразны, и о них я говорить не буду. Тихонов рисует мать, которая считает, что сохранение чести не менее важно, чем сохранение жизни. У нее становится спокойно на душе, когда она убеждается, что ее сын себя не опозорил, не струсил, а пошел в атаку, как все. Есть такие женщины — матери и жены. Два примера. Т. С. Павлова — первый. С какой гордостью, с каким спокойствием читала она месяц назад полученное письмо Сережи-моторазведчика, где он сообщал, что из-за недостатка времени не может описывать своих боевых эпизодов. Теперь прошел целый месяц без его писем. Час назад я говорил с ней на эту тему. Говорил осторожно. Ведь на западном фронте также упорные бои и жертв немало. Внешне Т. С. спокойна, а я хорошо знаю, что она любит Сережу крепко, больше, чем Роню. Второй пример: Ирочка. Передо мной ее письмо, полученное мной 22 ноября 1941 г. Два месяца она не получала известий от Аркадия, находившегося на С.-З. фронте. У Ирины были только откуда-то слухи, что Аркадий был под Новгородом ранен. Понятно, что отсутствие писем в данном случае было особенно тяжело. Так вот в этом письме Ирина писала: «Много мужей приехали сюда к нам в Оршанку. Мне очень хотелось бы услышать что-нибудь об Аркадии или увидеть его, но лишь только после победы. Быть женой таких трусов я не хотела бы, да и не представляла себе этого. Как мне ни тяжело, я горжусь им и прощаю ему то, что он о нас совершенно сейчас не думает».

Я хорошо знаю и понимаю Ирочку. Чувство чести и патриотизма у нас очень высоко. Никакой рисовки в ее словах не было. Написала, как чувствовала.

Вот два примера—матери и молодой жены,—которые подтверждают, что мать в одноименном рассказе Тихонова — образ реальный и благородный.

В рассказе «Старый военный» ты считаешь конец нехудо- жественным? Что, собственно, ты считаешь нехудожествен- ным? На тему о художественном в литературе можно гово- рить и писать без конца. Я же считаю весь рассказ хорошим и правдивым. Я прекрасно представляю себе старого кадро- вого офицера вроде моего хорошего знакомого Гр. Ив. Ему уже стукнуло 70 лет. Он также болезненно переживал от- ступление наших войск, говорил мало. Но весть о разгроме врага должна наполнить сердце патриота, да еще профессио- нала военного, совершенно особым восторгом, влить в него силы, поднять с постели, с которой не поднимался ряд дней. Вот к примеру. Когда в августе прошлого года нача- лось вступление в ряды ополчения, Гр. Ив., давно уже по возрасту снятый с воинского учета, явился в Военный комис- сариат и просил зачислить его в часть. Там долго колеба- лись: возраст и крайне слабое зрение. Но после настояний Гр. Ив. направили. Недели три провел Гр. Ив. в лагерях, неся все наряды, выделяясь своей дисциплинированностью и вы- носливостью (он ведь в прошлом полковник и начальник офи- церской гимнастической команды), но в одном сплоховал: не мог бегать в атаку наравне с молодыми: 70 лет! И его отчи- слили. С какой горечью говорил мне об этом Гр. Ив. Сообщи я об этом Тихонову, он превратил бы это в прекрасный рас- сказ, который, возможно, иным читателям показался бы «не- жизненным». Нет, повторяю: жизнь — лучший писатель в смысле выдвижения фабулы. Не поверишь иногда прочитан- ному, а в действительности — основа-то рассказа взята с натуры, подсказана жизнью.

Письмо переросло всякие границы, а тема еще не исчер- пана. Поэтому прерываю. Возможно, что ты утомишься чи- тать, а писать (в три приема) я не устаю. Надеюсь, что воен- ный цензор, который должен будет просматривать столь длинное послание, не будет сердиться. Написал так много потому, что не мог не вступить за рассказы, которые отно- шу к числу лучших, появившихся за год войны.

Второе письмо

Дорогая Оля!

Хочу продолжить мой ответ о рассказах Тихонова. Ты вы- соко оцениваешь рассказ «Девушка», но говоришь, что он «стоит особо». Про остальные четыре рассказа говоришь «словами Иры» — «средне». В оценке рассказа «Девушка»

твое мнение совпадает с моим, а вот с оценкой остальных рассказов я не согласен, в особенности рассказов 7-го и 10-го.

Рассказ «Встреча» на меня произвел и производит при повторном чтении очень сильное впечатление. По немногим строчкам рассказа мне отчетливо рисуется картина Ленинграда в жуткие месяцы немецкой блокады: темень, пустынные улицы, развалины зданий. Эта картина хорошо знакома и мне, москвичу, часто в подобной обстановке возвращавшемуся домой в минувшую зиму. Только развалин зданий у нас немного, а битого стекла порядочно.

Иду, как слепой, и громко постукиваю тростью, чтобы проверить невидимую глазам дорогу и предупредить встречного от возможного столкновения. Однажды (кажется, в ноябре, часов около 6 вечера) в такую темень я при быстром ходе налетел на брошенное посреди тротуара большое бревно... Впрочем, Тихонов берет более светлое время, так как его режиссер издали увидел старика. Рассказ этот, как и другие, ценен тем, что он не писательская выдумка, а взят прямо из жизни, в чем я глубоко убежден. Так не выдумашь. Возможно, что это не личная встреча Тихонова (он ведь и рассказ ведет не от своего имени, а от имени режиссера), что Тихонову фабулу рассказали. Но этого учителя древней истории я вижу, как живого. И почему-то его образ в моем представлении сливается с образом покойного Осипа Антоновича, моего преподавателя древних классических языков: высокий, седовласый, худой. У Тихонова старик очень тщедушен, слаб. Еще бы! Блокада многих довела до истощения и среди слабых унесла немало жертв. Но духом этот старик бодр, и источник этой бодрости — та историческая параллель, которую ему подсказывает его многолетняя педагогическая деятельность. Годами он говорил ученикам о древней Трое, о десятилетней осаде ее греками. «Древний погибнет Пергам и народ копыеносца Приама». Мне так и представляется, как повторяет эти слова престарелый Осип Антонович, но наша Троя — Ленинград оказался выше по своему героизму, выдержал и отразил врага.

Нет, Оля, для меня, в гимназические годы посвятившего много времени на изучение «греческих древностей», рассказ этот — лучший во всем сборнике: правдивый, живой, выразительный. (А теперь делаю перерыв — первый час ночи. Ложусь спать, спокойной ночи!).

Перехожу к рассказу «Яблоня». Ты ему и слова не уделила, а рассказ этот поистине замечательный.

Как знаешь, большинство воздушных тревог я провел на пожарном посту, по несколько раз мне пришлось быть и в бомбоубежищах, и я могу удостоверить, что в очень немногих, скудных словах Тихонов передал состояние и настроение

лиц, сидящих в убежище. Нервы напряжены, и всякий шум, громкий разговор непереносимы.

Под тяжестью условий жизни в осажденном Ленинграде герой рассказа, художник, упрекает себя: надо было давно уехать. Только что сожалевший, что он не уехал на Волгу, в условия тепла и сытости, подавленный бомбежкой, теперь художник поражен красотой морозного, ночного, залитого луной Ленинграда, красотой покрытого инеем сада. Впечатление тем сильнее, что он только что вышел из темного подвала, сырого и холодного, заполненного томящимися в тревоге людьми. Я ясно представляю ту действительно волшебную картину, которая представилась глазам художника. Только он как художник воспринял ее гораздо сильнее, чем восприняли бы мы, рядовые люди. Мне понятно, что никогда и никуда нельзя уехать из этого «изумительного мира красоты, героизма, труда, великолепия», почему и этот рассказ я считаю жизненным и художественным.

...Ну, а рассказы о ленинградских детях? Неужели они ничего тебе не сказали? Ты ведь хорошо разбиралась в детской психологии. Уделяя весь свой день своему Юре, ты, по моему мнению, научилась понимать те заботы и тревоги, которые часто владеют детскими сердцами.

Мне вот очень понятен этот семилетний Юра, который всем зверям Зоологического сада предпочитал гипсового льва у кассы. Для Юры этот лев интереснее живых животных, содержащихся за решеткой, и он его любил. И понятно, как страдал маленький Юра, когда его любимец погиб от вражеской бомбы, как и слониха (что и было в действительности). Как реликвию, сохранил Юра часть лапы с когтем и решил отомстить. Как прекрасны, жизненны и понятны эти чувства семилетнего ленинградца.

В рассказе «Семья» три героя: и отец, идущий на фронт, и мать, заменяющая мужа у станка, и двенадцатилетняя Оля, которая решается принять на себя всю тяжесть домашних забот и уход за маленьким братом. За год войны я видел немало таких маленьких «хозяек», которые, заменяя взрослых, бегают по магазинам, ведут хозяйство и ухаживают за малышами. Эта маленькая Оля, которая пересыпает свою речь излюбленным «подумаешь», взята из жизни. Ей посвящено всего две странички, но и этими немногими словами образ девочки дан целым и законченным.

Бесспорно, что за год войны у многих матерей материнское чувство подчинилось чувству патриотическому, так как они прекрасно поняли, что в интересах этих же детей, для защиты их жизни и будущего, надо прежде всего оказать возможную помощь родине в ее борьбе с врагом, если не в армии, то на производстве. Вот в своем последнем письме

Ирина сообщает, что в недалеком будущем она оставляет Вадика в детском хорошем санатории, а сама опять уезжает на уборку урожая: сначала будет ремонтировать тракторы, а затем сядет за руль. Я хорошо знаю Ирочку, и мне понятно ее душевное состояние, которое не позволяет отдавать все время ребенку, когда она может быть полезна в уборке урожая, который справедливо называется военным.

Пора подводить итог. Я лично считаю, что собранные воедино десять рассказов Тихонова о ленинградцах дают яркую картину советского человека. Ирина, помогающая роенице в момент вражеской бомбежки; мать Бори, пробирающаяся к фронту с опасностью для жизни, чтобы только узнать, что сын ее не оказался трусом (а в наших условиях между трусостью и предательством границы не проведешь); старик военный и старик-историк — горячие патриоты, безропотно переносящие тяжелые условия блокады и не теряющие веры в нашу победу; художник, понявший, что нельзя покидать мир «красоты, героизма, труда»; героиня Поля, под бомбами оказывающая помощь жертвам немецких налетов; хладнокровный машинист, оставивший в дураках гада-летчика; наконец, малыш Юра и подросток Оля — вся эта замечательная галерея взята из жизни.

Тихонов зарисовал их в Ленинграде, но, понятно, их сейчас можно встретить всюду, где идет борьба с врагом: и на линии фронта, и в тыловом городе, подвергшемся воздушному нападению, на заводе и в колхозе. И от того, что подобных людей — мужчин и женщин, старых, молодых и юных — много, становится особенно очевидным, что народ, которому присущи душевные свойства героев «Ленинградских рассказов», не может быть побежден и не может быть превращен в немецкого раба. В этом ценность правдивых и художественных рассказов Тихонова, написанных им в тяжких условиях блокады героя Ленинграда.

19 сентяб ря 1942 г

Дорогой товарищ Тихонов!

Сегодня прочел Вашу статью «Слава Кавказа» в «Красной Звезде»¹. Пишу Вам потому, что написана эта статья с настоящим чувством человека, для которого в Кавказе много близкого и дорогого. Я не ошибаюсь. Я чувствовал это в каждой строчке. Вы посещали родные наши горы. Вы видели могущество наших скал и ущелий. Вы вдыхали чистый наш

¹ «Красная Звезда» 12 сентября 1942 г.

воздух, Вы пили холодную родниковую воду, Вы были обласканы нашим солнцем.

Этого забыть нельзя. Вот почему каждое слово ваше это—кровь, нерв, жизнь. Ваша статья тронула меня и чистой своего призыва к моему народу. Еще до появления Вашей статьи здесь я послал в «Красную Звезду» статью «Кавказ»; и вот, читая сегодня Вашу сильную, горячую статью, я был обрадован тем, что мои мысли и чувства не одни, что далекий товарищ пишет, страдает так же, как и я. Это дает силы. Прочтите мою статью, я посылаю ее Вам. Ведь в ней есть много того, что сказано у Вас, только иными словами, слабее, бледнее. Но Вы поймете меня.

Желание чем-то помочь родине в трудный для нее час очень велико...

Однажды мне выпало счастье участвовать в битвах за Москву. Но то были короткие боевые дни. Сейчас я физически здоров, окреп. Грудь преисполнена такой ненавистью, которой во мне никогда не было. Я не могу подумать, что враг вступит своими сапогами в мой родной город Махач-Кала. Он разрушит его. Он опозорит близких и родных, уничтожит детей. Это раскаляет грудь, зовет к борьбе. Делюсь с Вами, как с близким, родным; тяжело вдали от родины переживать ее страдания и муки. Пробежит час, я буду в действующей, я буду драться с гадами так, как требует мое сердце. Я отомщу за все, что пережили мы. Любите Кавказ чистой русской душой так, как я люблю горячую русскую землю, русский народ. И, если мне будет суждено жить и в дни нашей победы, я найду Вас, мы выпьем полные рога с красным вином за страдания, за борьбу нашу, за победу нашу. Мы выпьем за эти чувства, которые вселяют нам бодрость и уверенность, мы выпьем за нашу жизнь. Я поведу Вас на вершины гор, и там мы сложим с Вами песню о великой дружбе, о сильных людях, победивших смерть. И там на вершине мы дадим клятву родным горам и ущельям о братской всеильной любви. Так, за встречу в свободных горах, далекий мой товарищ, давай бороться.

Живи, будь счастлив.

П. В. Джапаридзе.

г. Бердск.



Письма

к

И. ЭРЕНБУРГУ

1

21 октября 1941

Вам, родной товарищ, письмо пишу. Статьи Ваши читаем и ценим. Как бомбы, помогают они нам громить врага. Много хотелось написать Вам, да времени нехватает, немца бить надо. Скоро, скоро он почувствует силу нашего советского удара. Если останусь в живых, при встрече с Вами расскажу о том, как мы лупили немца. Привет мужественным москвичам. Родная Москва, мы с тобой, мы не ослабим своих ударов по врагу, не посрамим славы русского оружия.

Младший воентехник Федор Голуб.

2

2 декабря 1941 г.

Дорогой товарищ Эренбург!

Приветствуют Вас с фронта хирурги, сестры и санитары нашей группы и герои-бойцы, вырванные нами из лап смерти. Ваши статьи в газетах нам не только многое объясняют, но зовут всех нас на новые бои и победы. Раненым красноармейцам и командирам мы читаем газеты. Им очень нравятся Ваши статьи. Просил Вам передать привет красноармеец Соловьев, которому мною было зашито 9 ран кишечника, Баличев — с удаленной разорванной почкой и многие другие. Не сомневаемся, что война кончится нашей победой и после войны мы сумеем крепко пожать Вашу руку.

Всего наилучшего.

Военврач Т. Шейдин.

Дорогой соотечественник Илья Эренбург!

Мы, гвардейцы-артиллеристы 5-й батареи, прочитали дневник немца Фридриха Шмидта...¹

Никакими словами не выразить чувства, охватившего нас. Каждому из нас сдавило горло тяжелая обида за невинно растерзанных и расстрелянных наших родных, наших милых советских девушек, наших парней, наших детей, отцов и матерей. Прочитав дневник, мы невольно молчали, мы прислушивались, каждому из нас как бы слышались последние стоны и крики замученных и расстрелянных родных нам людей. Жгучая ненависть, закипевшая в наших сердцах, сушит наши слезы. Нам особенно тяжело читать этот дневник, ибо у большинства из нас семьи находятся в оккупации.

Мы клянемся жестоко отомстить проклятым немецким оккупантам. За время войны мы только своей батареей уничтожили 4 вражеских артбатареи и более десятка подавили артогнем, уничтожили до батальона пехоты. Мы клянемся еще быстрее и точнее наводить наши смертоносные орудия и в клочья рвать проклятых бандитов. Мы клянемся бить проклятых оккупантов из винтовок, пулеметов и противотанковых ружей, доставая бандитов за любой броней.

Четыре славных наших снайпера — Мохалов, Борисов, Дорошенко и Дороган — 12 октября уничтожили 11 фрицев, а всего ими уже убито 176 фрицев.

Мы клянемся, что все откроем снайперовский счет мести и будем уничтожать всех оккупантов, попавшихся нам на глаза.

Мы сторицей отомстим проклятым детоубийцам!

Зам. комбата по п/ч *Тучков*,
гвардии ст. лейтенант *Елизаров*.

4²

18 октября 1942 г.

...Мое родное село Буденновка... Перед глазами встают знакомые картины: белые хаты, утопающие в зелени вишневых садов, ровные улицы, идущие к морю. Здесь я родился, про-

¹ См. статью И. Эренбурга. Немец. «Красная Звезда» 11 октября 1942 г. или «Правда» 12 октября 1942 г. См. также И. Эренбург, Война (апрель 1942 г.—март 1943 г.), М. 1943, стр. 43—49.

² Настоящий отрывок и следующие за ним отрывки из писем являются откликами на статью «Немец».



Н. Эренбург (второй слева) среди офицеров Н-ской части у Ржева, 1942 г.

вел детство и юность. И вот из газеты я узнал о моих земляках. Свято храня традиции предков, донских казаков, они мужественно борются с ненавистным врагом. Немцы терзают советских людей. Кровожадные звери убили четырехлетнего ребенка, десятками они расстреливали юношей и девушек, а одежду расстрелянных продавали или отсылали в Германию. Фашисты расстреляли Екатерину Скороедову, старика Савелия Петровича Степаненко, молодого сапожника Александра Скубенко, семнадцатилетнюю Людмилу Чуканову. Я знаю всех этих людей, все они мои знакомые и друзья.

Мое сердце полно ненависти к фашистским варварам. Единственное мое желание — отомстить за смерть моих друзей детства, за кровь русских людей, которой залиты улицы родного села. Стоит мне закрыть глаза, и я слышу голос моей любимой, и я вижу, как она протягивает руки ко мне, ищет защиты.

Сержант *Евгений Шуров.*

5

2 ноября 1942 г.

...На берегу Азовского моря, в 40 километрах от Мариуполя, при впадении в море степной речушки Еленчиково, на высоком холме стоит село Буденновка. Море и степь. Выйдешь на берег — и не налюбуеться: залив подковой раскинулся у ног, вдали видны песчаные косы и отмели.

Русское село, казачья станица. Хорошо жили люди. В селе было три колхоза, один рыболовецкий. Земля богатая, много пшеницы, ячменя. Наверно, нигде не было таких арбузов, дынь, помидоров. Большие стада паслись, отары овец. А море давало рыбу, да еще какую! А сколько было разной птицы.

В селе была школа-десятилетка, больница, театр, ясли. Люди работали, жили, радовались.

В апреле 1918 г. немцы были в Буденновке. Тогда по приказу немецкого палача были ночью вывезены в Балку и расстреляны 37 жителей села. Я это хорошо помню. Мы тогда поклялись до конца нашей жизни бороться с палачами.

Я — уроженец Буденновки. Знаю всю ее историю. Летом 1920 г. мы, комсомольцы, дрались в Буденновке против вражеского десанта. Мне было тогда 18 лет. Я был взрослым, но матери казалось, что я еще ребенок. После одного боя, узнав, что я ранен, она ходила по полям от кургана к кургану и громко звала меня по имени.

Где теперь моя мать? Жива ли? Если осталась в Буденновке, наверно погибла. Фридрих Шмидт сделал свое черное дело. Я прочитал его дневник.

Я уже не молод, многое видел в жизни, но я не могу спокойно читать эти записки зверя. Я лично знал старика Степаненко и сапожника Александра Якубенко. Это были простые советские люди. Как сейчас вижу на базарной улице маленькую хату с желтыми ставнями, там жил Якубенко. Все односельчане его уважали. За что его убили немцы? За то, что он был честным советским гражданином?

Особенно тяжело читать, как фашистские чудовища убивают девушек, парней, подростков. Палач расстрелял Екатерину Скороедову, Людмилу Чуканову, других. Мне хочется сказать моему дорогому соседу и товарищу Евгению Захаровичу Шурову: «Ты был мальчиком, когда я, будучи старым бойцом, приезжал к матери в родное село. Помнишь, как ты мне говорил, что будешь командиром? Мсти фашистам за Буденновку».

Я сейчас в госпитале после тяжелого ранения, но как только встану, буду беспощадно уничтожать гадов. Мы освободим Буденновку.

Полк. комиссар *Константин Коржов.*

6

30 мая 1942 г.

С неба упала листовка для советских граждан глубокого фашистского тыла. Мы нашли только два экземпляра. Замечательная листовка, она нам понравилась. Вы нас извините, но, нам кажется, не будете возражать, что мы Вашу статью из листовки поместили у нас как передовую нашей родной газеты «Дновец».

Мы рады сообщить, что наша подпольная газета, наша типография, очень встревожила гестапо. Они объявили в газетенке, которую издают в Дно, что полностью конфисковали № 2 газеты «Дновец», потому что типография наша разгромлена и редактор арестован. А потом поместили объявление: награда за поимку редактора газеты «Дновец» живьем — 30 тысяч марок, а кто убьет — 15 тысяч.

Однако никогда они не конфисковали газеты, не арестовывали нас. Мы живем и здравствуем. Больше того — наша газета попадает даже в кабинеты гестапо и полиции. Так, № 2 был подложен под стекло на стол начальнику местной полиции предателю Ризо. Он чуть не разбил стекло...

Отряд партизан напал на немецкий гарнизон в деревне Л. Когда партизаны подходили к деревне, навстречу выбежа-

ла колхозница Прасковья Филипповна (ее муж в Красной Армии). Она сказала: «Вот мой дом. Жгите его, не жалейте — там спят четырнадцать немцев. Бросайте туда гранаты». Затем она рассказала, где штаб немецкий, склад, пулеметы. С ее помощью мы уничтожили свыше 70 гитлеровцев, взорвали склад боеприпасов, захватили трофеи. Ни одна чумная крыса не ушла из деревни, все были уничтожены.

За два последних месяца мы уничтожили 2 500 немцев, разбили 13 гарнизонов, вооружились немецкими пулеметами и минометами. Дновцы — специалисты по паровозам. За май месяц мы пустили под откос 5 вражеских поездов с живой силой. Этим не удалось добраться до фронта.

Сейчас немцы бросили против нас 5 тысяч солдат регулярной армии. Они решили уничтожить нас. Однако 2 тысячи гитлеровцев уже нашли здесь могилу. Уничтожить все 5 тысяч — такова наша клятва.

Ш.

7.

10 августа 1942 г.

...Я вырос на войне. Был красноармейцем, стал политруком. Я до войны думал, что слово «родина» — это просто местность, где я родился, где мой дом, где мои родные, отец, мать, брат, сестра, где заводы. Вот это, я думал, моя родина. А сейчас я понимаю все по-другому. Отца сейчас нет, матери, брата, сестры нет — их истязуют фашисты. Если и не всех убили, хорошего ждать нельзя. Дом наш разбит, колхоз разграблен, район (Орловская область) захвачен немцами. Я нахожусь на фронте. Это письмо пишу в лесу под деревом, среди пней. Сажу и думаю: лес, хутор, река, болото, небо, солнце, птицы; любимая девушка, старики, дети, народ — все это моя родина, все мне стало родным; даже воздух — это мой воздух, хочется его весь забрать, чтобы подлым фрицам не досталось. Как жалко всего, как глумятся над всем фашисты! Сердце у меня сжимается ненавистью к гадам. Мне даже взятые у них трофеи ненавистны. У меня к ним отвращение.

Идут жаркие бои, и я все думаю, думаю — родина... Эх, как мало я сделал для родины. Вот дерево скрипит, и день мрачный, а народ, а любимая девушка... Они по ветру передают: «Боец, стреляй, ненавидь всей душой».

Нас они не победят. Пни, леса — все воюют.

Николай Алешин.



„Рабочий кабинет“ П. Эренбурга на фронте, 1943 г.

Письмо от старшего сержанта Гуцеля Семена Абрамовича, рождения 1904 г., Харьковской области, город Краснокутск. Пишу из действующей армии. Пишу оттого, что год, как никто мне не пишет, а семья моя — две девочки и жена, родные и невестка — все захвачены гитлеровской армией. Разрешите мне, дорогой писатель, написать Вам о моей семье, о моем городе.

Я жил и не знаю, как описать эту жизнь. Город наш Краснокутск — древний и культурный. Везде был порядок, и город был советским богатырем, как говорят, житницей: четыре сахарных завода, колхозы зажиточного житья, электростанция, десятилетка, в которой учились мои дочки — Галя в 10-м классе и Тася в 8-м. Потом клиника, больница, Дом культуры. А основан город над рекой Мерлом. Как радостно было нам жить над этой рекой! Я не умею об этом сказать.

Я рад, что на мою долю выпало защищать в первом бою город Москву, где меня под Волоколамском поранило. Вылечили меня от ран, и сейчас я защищаю колыбель революции — Ленинград. И я много видел издевательств над народом в городах и деревнях и еще сильнее стал ненавидеть фашистских гадов. На моем счету 75 фашистов, и меня наградили медалью «За отвагу», а за все, что описал и за все, о чем я не умею сказать, я буду еще сильнее мстить фашистам. И если я погибну, я скажу спасибо, что я прожил четверть века вольно и весело, как человек.

С. Гуцель.

Дорогой наш писатель Илья Эренбург!

Мы, кубанцы, — бойцы и командиры подразделения младшего лейтенанта Успенского, — шлем тебе свой привет! Пишешь ты крепко, хорошо, всю душу переворачиваешь. Ты умеешь сказать то, что мы думаем и что клокочет в нашей груди. Каждое слово у тебя — острое, как штык, меткое, как пуля снайпера. Ты — с нами, в наших рядах, впереди, как лучший боец, увлекающий в атаку других. Вот мы прочитали статью «Твое гнездо»¹, в которой ты рассказываешь о наглых планах подлых убийц, о «мечтах» фрицев.

¹ «Красная Звезда» 18 сентября 1942 г. См. И. Эренбург, Война (апрель 1942—март 1943), М. 1943, стр. 131—134.